Р. РОУАН

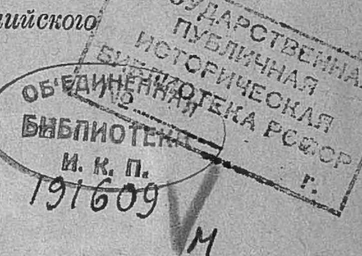
РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА

ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ
1937

Р. РОУАН

РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА

Сокращенный перевод с английского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1937

Ответственный за выпуск *П. Коняхин* Техред *О. Гурова*
Корректор *М. Покровская*

Сдано в набор 21/VI—37 г. Подписано к печати 22/VI—37 г.
Формат 62×94[1]/[16]. Печ. л. 4. 48 000 зн. в п. л. Огиз № 1953. Зак. № 2640.
Тираж 200 000. Уполномочен. Главлита № Б-12990. Цена 55 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“.
Москва. Валовая, 28.

ЗЛОВЕЩИЙ ФРОНТ

Однажды, ранней весной 1913 года, в Вене четыре штабных офицера стояли у двери передней, с трагической напряженностью прислушиваясь и ожидая. Они ждали револьверного выстрела, и, когда он раздался, старший из них, полковник, открыл дверь, и все, один за другим, вошли в комнату. В кресле у окна лежал стрелявший. Это был, судя по мундиру, офицер главного штаба. У его ног лежал револьвер казенного образца. Офицер был мертв. Самоубийством он оттянул на год объявление войны России, что было чрезвычайно важно для австро-венгерского командования.

Факт самоубийства в официальных кругах Центральной Европы секретно обсуждался в течение целого сезона. Покончивший с собой офицер был полковник Редль, прикомандированный к секретной службе Австро-Венгерской империи. Он стоял во главе контрразведки и продал свою родину. Русский военный атташе, полковник Зубов, в течение шести часов должен был оставить Австро-Венгрию. Штабные офицеры сделали все, что могли, чтобы Редль понял, в какое положение он поставил родину своим предательством. Один из них, известный стрелок из пистолетов, был намечен для того, чтобы убрать с дороги полковника, если ему изменит мужество.

В течение не менее четырех лет Редль систематически разглашал России ряд военных тайн. Он продал новый план мобилизации и чертежи оборонительных сооружений таких крепостей, как Перемышль и Краков. Он усердно выдавал царской тайной полиции даже тех австро-венгерских агентов, которых он лично посылал в Россию. Но в виду того, что Редль сам привел в исполнение свой смертный приговор, ему вскоре нашли множество оправданий. Правительство употребило все свое влияние, чтобы замять этот эпизод.

Полуосведомленные лица считали, что Редль погиб, чтобы спасти свою родину от поражения, и это, независимо от его предательства, — чистая правда, поскольку Австро-Венгрия была совершенно не подготовлена: ей необходимо было затратить миллионы на изменение планов, известных России. Сторонники Редля утверждали, что войны никто не ожидал и что он продавал

России только то, что к моменту начала войны потеряло бы всякое значение. К августу 1914 г. друзьям Редля почти удалось создать ему память неподкупного человека.

Русская армия окружила Перемышль, но взяла эту крепость только после продолжительной осады. Как мы видим, австрийский главный штаб сделал за год все, что он мог, чтобы обезопасить империю от предательства Редля.

Если бы русскому военному атташе не удалось подкупить австрийского офицера, то получение нужных сведений было бы поручено разведчикам. Им понадобилась бы большая ловкость и настойчивость для того, чтобы узнать все, что Редль мог продать.

В мирное время шпионаж заменяет военные действия, но он более экономен. На войне разведчик является самым смертельным оружием, единственным древним оружием, не потерявшим своего значения.

Мы привыкли к такому темпу усовершенствований в современных средствах войны, что нововведения, обеспечившие победу в одном сражении, рассматриваются как недостаточные и устаревшие в следующем сражении. Однако при всех изменениях в военном искусстве разведчик оставался неусовершенствованным. Хотя учреждение, которое в настоящее время называется разведывательным отделом армии, собирает военную информацию из ряда источников, но в основном оно строит свою работу на отваге и находчивости разведчиков и секретных агентов. Как ни важна хорошая организация в тылу противника, главная роль выпадает на долю самого разведчика. Сведения, добытые ловким секретным агентом, могут расцениваться правительством его родины в десять тысяч раз дороже, чем его вес в золоте.

По французским данным, одна ловкая женщина-разведчик в период мировой войны уничтожила шестнадцать транспортов и торговых кораблей. Такой результат, гораздо более губительный, чем действия любого линейного корабля, наводит на мысль, что разведчики являются не только мощным оружием, неизменным на всем протяжении истории, но и относительно недорогим оружием. Построить и снарядить линейный корабль и содержать его в течение нескольких лет, пока он не устареет, стоит не менее ста миллионов долларов, в то время как самые лучшие секретные агенты-патриоты обходятся несравненно дешевле. Большая часть разведчиков, независимо от опасности своего труда, получает сравнительно небольшое вознаграждение. Каждое правительство располагает многочисленными агентами.

В мирное время разведчики и секретные агенты ведут себя совершенно так же, как и в военное время, но с большей уверенностью и не стесняясь переездов с места на место.

В это время разведчик не ставит на карту свою жизнь, так как противники становятся соседями и подозрительность населения значительно ослабевает. Маскировку разведчика и его уловки гораздо труднее разоблачить. По всей вероятности, разведчик, попутно с выполнением этих заданий, получает несколько вполне

легальных, деловых поручений. По сравнению с напряженностью и опасностью, неизбежными в военное время, такая работа является настоящим праздником для каждого профессионального секретного агента.

В периоды войны мир разгорожен неизбежными барьерами. Переезды контролируются, почта проходит военную цензуру, и работе разведчика противопоставляется работа контрразведки: организованное наблюдение за разведчиками, бдительность гражданского населения, что в общей сложности может послужить препятствием в работе самого опытного разведчика.

Интересно отметить, что с прекращением военных действий работа разведки не прекращается. Государства наблюдают друг за другом со всем пылом закоренелых врагов. Полки секретной службы иногда сокращаются, но никогда не демобилизуются. Ни по какому мирному договору они не распускаются по домам. Версальский договор только еще составлялся, узы, связавшие потом Германию, только еще обсуждались, а уже торжествующие союзники начали внимательно наблюдать друг за другом, словно это был единственный способ закрепления за собой роли победителя.

Шпионаж по своей сути является незаконным актом вторжения в чужую страну. Однако государства, посвятившие себя поддержанию мира и порядка, непрестанно потворствуют шпионажу. На зловещем фронте нет перемирия. Это означает, что, хотя большая часть из нас живет и работает, стремясь к своему благополучию, соблюдая известные правила индивидуальной честности, в подполье ведется непрерывная борьба, интриги, признаваемые всеми естественными и в то же время незаконными.

За четыре месяца до 1 марта 1928 г. в Великобритании, Франции, Польше и Чехословакии было осуждено по обвинению в шпионаже семнадцать человек. Тем не менее и теперь, в случаях, когда бывший офицер-разведчик или какой-либо офицер запаса, пользующийся доверием разведывательного отдела той службы, к которой он принадлежал в свое время, уезжает за границу, ему немедленно вручают ряд инструкций. Он получает при отъезде список вопросов по армии или флоту (в зависимости от его специальности) посещаемых им иностранных государств; ответы на эти вопросы должны дать разведывательному отделу нужные ему дополнительные сведения. Разведывательный отдел может потом уверять, что никогда ни о чем подобном не слышал, что инструкции были вручены неофициальным порядком, все же во всех первоклассных и второклассных державах это вошло в повседневную практику. Путешествующий офицер запаса не всегда обязан действовать тайно. То, что он делает, не всегда может быть охарактеризовано, как предосудительные действия, его работа может в основном рассматриваться как дополнение к наблюдениям военного и морского атташе, которые называются «аккредитованными шпионами».

Не так давно одной европейской державе было предложено чрезвычайно важное морское изобретение. За право исключитель-

ного пользования изобретатель потребовал крупную сумму в миллион фунтов стерлингов. Государственный деятель, которому предстояло прибавить этот миллион к бюджету, а затем найти эти деньги, высказался против какой бы то ни было оплаты изобретения. Он цинично заявил: «Пусть покупает какая-нибудь другая держава. Мы можем немного подождать. Наши агенты скоро выкрадут его, и тогда мы сможем воспользоваться им почти даром». Этот трезвый реалист стоит в настоящее время во главе одного из крупнейших банков в мире. Его отношение к перспективам государственной разведки в мирное время (дело было до 1914 г.) достойно быть отмеченным.

Современная война требует организованной разведывательной службы и вследствие этого другой службы — контрразведки. Каждое государство, которое может вести войну, должно иметь разведчиков: чтобы противодействовать тайным начинаниям своих соседей, оно также должно располагать хорошо подготовленными и опытными агентами, способными нейтрализовать разведку других держав. Разведчик, нарушая права других государств, рискует во время войны своей жизнью, а в мирное время — выселением, тюремным заключением и отвержением, потому что у него нет никакой защиты. Правительства не могут участвовать в незаконных предприятиях. Они строго преследуют иностранных шпионов. Поэтому они наказывают своих агентов, отказываясь от них, когда те попадают в тяжелое положение.

С другой стороны, ясно, что армейский или морской штаб как в мирное, так и в военное время должен знать все, что можно узнать о всех вероятных противниках. Эксперты утверждают, что плохая разведка вызывает войну; она во всяком случае способствовала возникновению последней войны. Известно, что воинственное настроение в генштабах Австро-Венгрии и Германии вызывалось информациями, полученными зимой и ранней весной 1914 г. от предателей и шпионов из русского военного министерства. По донесениям, царская армия была совершенно дезорганизована. Почему же было не поторопиться с ультиматумом Сербии без пощады и милосердия?

Все это было трагической ошибкой. Россия сумела мобилизовать армии Ренненкампфа и Самсонова с такой быстротой, что удивила своих союзников. И немецкое командование с тех пор начало считать, что его разведывательная служба жестоко ошибалась в оценке потенциальных сил бельгийцев.

По сообщениям разведчиков, Великобритания безнадежно погрязла в разрешении трудных проблем, поставленных перед нею рабочим движением и восстанием в Ирландии. Но и на этот раз не оправдались данные, добытые наиболее подготовленной и наиболее широкой разведывательной службой в мире.

Приступая к подробному изложению деятельности и военного значения разведчиков, следует с самого начала установить, что риск, которому подвергается разведчик, не представляется чрезмерным по сравнению со смертельной опасностью, которой подвергаются в современной войне действующие войска. Военные

законы требуют казни лиц, обвиняемых в шпионаже, независимо от этических соображений. Предполагается, что угроза смертной казнью затруднит набор подходящего личного состава для выполнения разведывательных заданий. Но в действительности эта угроза останавливала очень мало людей, одаренных качествами разведчика. Это — обычно искатели занимательных приключений. Офицеры этого типа, как правило, чрезвычайно талантливы в военных делах; вследствие этого командиры, не желая рисковать ценными подчиненными ради какого-нибудь предприятия, выходящего за рамки задач части и носящего весьма опасный характер, отказывались отпускать их на территорию противника.

Чтобы ответить на вопрос, кто подвергается большей опасности — боец или разведчик, следует рассмотреть некоторые статистические данные, относящиеся к 1914—1918 гг., хотя нигде не имеется записей, из которых можно было бы точно установить число разведчиков. Многим офицерам-разведчикам позволялось набирать агентов и давать о них сведения в целом, отчитываясь только в затраченных на них суммах. Как неоднократно сообщалось, Фридрих Великий заявлял, что он в военной зоне имел в своем распоряжении одного повара и сотню разведчиков. Фридриху был нужен только один повар, так как он был умерен в еде и часто хворал, но, окруженный сильными и настойчивыми противниками, он нуждался в значительно большем числе разведчиков и, несомненно, располагал ими. Глава прусской разведки Штибер уверял фон Руна и Мольтке в том, что он в начале франко-прусской войны послал на фланги и в тыл армий Мак-Магона и Базена 36.000 разведчиков. Избегая крайностей этих утверждений, майор Штейнхауер предполагал, что в Северной Франции и Бельгии в тот момент, когда «Большая Берта» выпустила первый снаряд по г. Льежу, имелось около 8.000 разведчиков.

Во время занятия территорий часто расстреливали, как шпионов, мирных жителей только за то, что они со злобой смотрели на вторгшегося к ним неприятеля. Иногда все их преступление заключалось в инстинктивном сопротивлении тому унижению, которому подвергалось гражданское население. Однако многочисленные жители Бельгии и оккупированных департаментов Франции осуждались за шпионаж, их приговаривали к многолетнему тюремному заключению.

Достижения разведывательной службы главным образом составляются из результатов работ нескольких особо искусных разведчиков. Все остальные доставляют случайные отрывочные сведения, хотя и эти сведения иногда имеют большую ценность. Кроме того, такие разведчики отвлекают внимание контрразведки противника и становятся как бы дымовой завесой, скрывающей деятельность нескольких гениев разведки.

В последние месяцы мировой войны контрразведка берет верх и фактически переходит в наступление. Бывший начальник особого разведывательного отдела британского военного министерства, бригадный генерал Г. И. Коккериль, с гордостью пере-

числял победы своих сотрудников. Контрразведка задерживала разведчиков, перехватывала морские и военные информации, раскрывала заговоры и подготовку покушений на поджог и разрушение военных заводов, задерживала сообщения о выходе кораблей из английских портов и, помимо этого, в значительной мере способствовала блокаде. Контрразведка сообщала о всех случаях контрабанды, не допустила перевод противнику денежных сумм на 70 млн ф. ст. и полностью разрушила все средства сообщения противника с заокеанскими странами.

Если генерал Коккериль и его энергичные сотрудники спасли Британии миллионы долларов, то имеются все основания полагать, что современная разведывательная служба и в дальнейшем будет оправдывать свое назначение.

Все архивы секретной службы сохраняются в глубокой тайне, драгоценные материалы не учитываются и обречены на гибель при перемене начальствующего состава. Книги о секретной службе представляют собой хвастливые мемуары («только храбрейшим из храбрых разрешено служить с нами на этом опасном посту!»), сомнительные разоблачения или же полубеллетристические и мелодраматические повествования о таинственных, волнующих событиях и подвигах какого-нибудь агента секретной службы.

МИРОВАЯ ВОЙНА И РАЗВЕДКА

Деятельность офицера, прикомандированного к разведывательному отделу армии или флота, как в военное, так и в мирное время, носит исключительно наступательный характер. Его цель — детальное изучение флотов и армий других государств, так как разведка неизбежно связана с их развитием.

Офицеры разведки, которые в мирное время добывают данные о вооруженных силах той или иной страны, никогда не забудут примера Германии. Немцы до войны собирали всесторонние сведения о всех странах мира. Под руководством морских и военных атташе они собирали все данные о портах, главных городах, о холмах, с которых их будет обстреливать артиллерия, о мостах и железнодорожных линиях, дорогах и долинах, рвах и каналах, о всех удобствах и о всех препятствиях и, конечно, об укреплениях, морских базах, сухих доках и арсеналах. Получив эти данные, необходимо было следить за их дальнейшей эволюцией. Если, например, в какой-либо стране изобретены новые скорострельные пушки, то необходимо было пересмотреть все иностранные сведения по усовершенствованию этих орудий. В связи с этим усовершенствованием какой-нибудь арсенал мог оказаться устаревшим.

Штабы армий других государств восхищались германской системой разведки и воспринимали ее как угрозу своей родине.

Большинство государств до мировой войны отпускало ограниченные суммы на разведку. После мировой войны все крупные

державы продолжают подготовлять планы морских и сухопутных нападений друг на друга и собирать сведения путем шпионажа.

Начальник разведки обязан иметь наготове все данные о противнике до того, как они могут понадобиться, и никакая власть не может помешать ему представить их старшему по службе. Для составления информации начальник читает донесения многочисленных шпионов и секретных агентов, сравнивает эти донесения, анализирует с точки зрения здравого смысла и опыта и пытается выявить истину, отбрасывая ошибки и ложь, которые могут быть в каждом донесении.

В настоящее время лучшие разведывательные отделы отказываются покупать сведения, — это свидетельствует о стремлении разведывательных органов получать более точные данные. Англичане, французы, итальянцы и американцы научены горьким опытом, они знают, что для того, чтобы быть уверенными в правильности информации, нужно добывать ее самим. Говорят, в Швейцарии во время мировой войны существовало нечто вроде биржи или рынка, где профессиональные шпионы продавали сведения о странах, которым они служили. Любой разведчик мог купить у них все, что его интересовало.

Большим источником получения сведений являются показания пленных и гражданского населения. Но все это требует тщательной проверки. Все вещи военнопленных и убитых должны внимательно осматриваться. Малейшая деталь может помочь в раскрытии намерений противника. Простая открытка, найденная у убитого артиллериста, предупредила о большом немецком наступлении на Шмэн де Дам в последнюю неделю марта 1918 г., хотя это предупреждение не было достаточно своевременным для того, чтобы французы могли подготовить решительный отпор. Два военнопленных, взятых при Диксмюде в октябре 1914 г., сообщили, что германский главный штаб сформировал запасные полки, номерованные от 201 до 270, и создал из них на западном фронте шесть новых корпусов, которые предполагалось бросить против слабого левого фланга союзников.

Разведка помогает вводить в заблуждение наблюдателей враждебной стороны. При Лоосе немцы использовали пустой поезд для того, чтобы убедить наблюдение противника в подвозе подкреплений. Однако часто повторять подобную хитрость нельзя. Артиллерия противника будет уничтожать такие поезда.

Начальник разведки должен непрерывно следить за неприятельской артиллерией, знать число орудий, их расположение, калибры и быть в курсе питания боеприпасами. Постоянное введение новых типов оружия в период мировой войны (изумительная мортира Стокса, ручные гранаты, огнеметы, отравляющие вещества) заставляло офицеров разведки быть постоянно на-чеку и определять, следует ли принимать поступающую информацию за воображение разведчика или за изобретательский гений противника. До сражения при Камбрэ германская разведка получила от своих агентов во Франции несколько донесений о строившихся танках, но технические советники при штабах решили, что такие

неуклюжие механические сооружения не могут принести пользу в бою. Говорят, один из этих консерваторов застрелился, когда узнал о действии танков. В более поздний период войны англичане были весьма смущены, узнав от своей разведки, что немцы подвезли на фронт более трехсот новых 6-дюймовых гаубиц, изготовленных в Англии и посланных в Россию для «наступления Керенского». Эти гаубицы были захвачены австро-германскими войсками, когда русская одиннадцатая армия осенью 1917 г. оставила фронт и практически перестала существовать.

Разведка должна располагать способными и преданными агентами. Было воскресенье 24 марта 1918 г., когда немецкая сверхдальнобойная пушка, самая крупная из всех «Больших Берт», начала обстрел Парижа. Бомбардировка города, не объявленного на осадном положении, последовала за налетом бомбардировщиков и цеппелинов. В момент первой паники население города не поняло чуда, совершенного Круппом, и предполагало, что немцы, которые в это время разгромили британский фронт от Баризиса до Гузокура, произвели новое ошеломляющее продвижение через центр фронта и подошли к Парижу. На самом деле пушка находилась вблизи Крепи ан Лаоннэ, на опушке леса Сен-Гобен, в 112 км от Парижа. Самолеты роями летали над этим районом, но так как немцы хорошо маскировали и часто переправляли с места на место свое чудовище, то только к ночи удалось определить местонахождение пушки. Весь район подвергся бомбардировке с самолетов и обстрелу французских батарей. Но разведка не могла надеяться на случайность, пришлось обратиться к местному населению. Масса народа вызвалась выполнить это задание. Из них по жребию выбрали четырех человек, которых ночью и переправили в тыл германского фронта между Ла Фер и Анизи ле Шато. Через неделю трое добровольцев благополучно были доставлены обратно самолетом. Они привезли сведения, включая и кинопленку с изображением пушки. Только один из них не вернулся.

Калибр, нарезка, порох, вес снаряда, заряд, угол возвышения — все данные, представляющие интерес для артиллеристов, были представлены добровольцами разведывательному отделу в Шантильи. Затем эти сведения отправили французским экспертам по артиллерии. Французские, британские и американские фирмы могли воссоздать это чудовище. Но зачем? Немецкая пушка сильно поколебала моральное состояние французского гражданского населения, и это — единственный эффект, которого немцы добились «Большой Бертой». Эта пушка поразила французов на один день. Разведка, добыв все данные этого орудия, снова доказала свою энергию и деятельность.

Когда говорят о мировой войне, то всегда вспоминают два примера отсутствия или провала военной разведки.

Первый — мощный англо-французский Средиземноморский флот под командованием британского адмирала де Робек бомбардировал укрепления Дарданелл. Сверхдредноут «Королева Елизавета» стрелял по полуострову, выпуская 15-дюймовые снаряды по фор-

там, по кораблям, которые перевозили войска в Мраморном море, и по сухопутным коммуникационным линиям. Действие этих снарядов было так разрушительно, что вся энергия немцев не могла поддержать мужества турок. Возможно, что еще один залп, и драгоценный пролив был бы открыт. Это обеспечило бы свободный проход в Черное море и проезд по незамерзающим морям в Россию, свободный подвоз боеприпасов, снаряжения и санитарного имущества и вывоз столь нужного хлеба из житницы Европы. Это предохранило бы также от галлиполийской резни и сохранило бы жизнь нескольким тысячам человек с обеих сторон в Месопотамии и Палестине и, по крайней мере, миллиону человек на русском и румынском фронтах, где из-за недостатка оружия сражения после 1915 г. были простым избиением. Но союзники не учли положения. Турецкое правительство, как потом узнали союзники от американского посла Генри Моргентау, уверенное в захвате Константинополя эскадрой де Робека, бежало в панике в Малую Азию, погрузив официальные архивы на поезда, которые должны были отправиться в Анатолию. И в такую минуту союзники прекратили бомбардировку. Отсутствие разведки, которая своевременно бы оповестила о вероятном успехе, привело к тому, что морские силы союзников упустили все свои преимущества.

Другой пример — 1917 год был годом бешеной пропаганды пораженчества во Франции. Моральное состояние войск страны, уставшей от войны, было очень подавленным. Боеспособность армии, которая год назад удерживала Верден под ураганным огнем противника, сильно пошатнулась. Несколько частей подняли мятеж, не желая итти на опасный сектор. Они повернули и отправились обратно по той же дороге, по которой пришли, а те части, которые они должны были сменить, не могли быть отправлены вторично на фронт. Итак, в течение целого дня чрезвычайно важный сектор фронта удерживала горсточка артиллеристов и саперов. Однако германская разведка не имела в этом секторе разведчиков, которые знали бы обо всем происходившем и своевременно осведомили бы германское командование. Решительная атака в этот день явилась бы самым легким достижением войны на западном фронте, но никакой атаки не было; французы срочно стягивали войска, чтобы закрыть брешь, а находящиеся в Килаистре немцы были слепы и не подозревали слабости французов.

Генерал Кокс из разведывательного отдела британских экспедиционных сил был весьма проницательным и информированным человеком. В феврале и в начале марта 1918 г. он не только точно предсказал участок в Пикардии, где Людендорф собирался вести наступление, но и указал день этого наступления (20 или 21 марта). Он и его сотрудники почти точно рассчитали численность сил, посылавшихся Людендорфом и фон Гутьер против 17 дивизий Гауфа по фронту, протяжением свыше 64 км. Они сообщили, что из 60 немецких дивизий, которые будут наступать на этом фронте, 23 дивизии будут наступать непосредственно на Сен-Кантэн, где у Гауфа было всего лишь 4 дивизии. Однако,

несмотря на столь определенное предупреждение, подкрепление не было послано. На рассвете 21 марта из тумана показались атакующие германские войска, а подкрепление пришло только 24-го, и то незначительное: оно состояло всего лишь из трех дивизий. По сравнению с этим грубым промахом, немногочисленные проступки разведки теряют всякое значение.

Мобилизация во Франции в первые три недели войны была очень плохо организована. По мнению некоторых немецких командиров, можно было использовать это обстоятельство и избежать нарушения бельгийского нейтралитета. Они считали, что в последнем случае Великобритания не приняла бы сразу же участия в войне и германский флот мог бы быть использован в качестве наступательного оружия против Франции и России.

Оборона Льежа была первым препятствием, не предусмотренным германским штабом. Естественно, разведке поставили в вину, что она показала на закрытую дверь, вместо того, чтобы показать открытое окно.

В один из периодов войны английские офицеры разведки получили инструкции не жалеть ни расходов, ни труда для получения чертежей и спецификаций нового самолета Фоккер, который только-что был принят на вооружение германских воздушных сил. Одного недовольного немецкого унтер-офицера, который уже прежде поддерживал связь с одним британским агентом в Бельгии, удалось убедить в том, чтобы он перелетел на своем Фоккере и приземлился в тылу британского фронта. Унтер-офицер с радостью принял задаток в сумме десяти фунтов и получил еще 50 фунтов после благополучной доставки самолета. Несомненно, самым сильным мотивом, выдвинутым британским агентом при уговоре унтер-офицера, было заявление о том, что лично для агента война будет благополучно закончена.

Многие дезертиры пытались обеспечить себе хороший прием, доставляя более или менее интересные сведения о планах своих командиров.

В 1917 г. несколько эльзасцев дезертировали и перешли к французам, предупреждая их о готовящейся атаке, в которой, по их расчетам, им не пришлось бы принимать участие. Офицеры разведки занялись этими людьми, так как трехлетняя борьба отнюдь не говорила о честности эльзасцев. Не хочет ли германское командование внушить французам мысль о готовящейся атаке? — думали французы. Но на этот раз разведка действовала слишком медленно. Предсказанная атака началась точно в указанное время, и французские солдаты, которые, по всей вероятности, верили сведениям эльзасцев, были жестоко разбиты, вместо того, чтобы отразить атаку, если бы подобное предупреждение было надлежащим образом использовано для подготовки.

За несколько лет до мировой войны «Берлинское страховое общество Виктория» имело «особое отделение» в Париже, причем все служащие и агенты были прусскими офицерами запаса. Каждые шесть месяцев все служащие сменялись и возвращались в Берлин, но до возвращения каждый из них обязательно ездил

на экскурсию по восточным департаментам республики. Все специалисты по страхованию проходили подготовку для работы в военной разведке. Война началась, а они уже были готовы.

Возможно, что сейчас настало время обвинять разведку и сказать, что немецкие генералы ринулись вперед потому, что слишком хорошо знали дорогу. Несколько лет тому назад один полковник читал лекции во Французской академии генерального штаба. Лекции привлекли внимание специалистов, так как лектор умело осмеивал немцев за их тактику в 1870 г. Позже этот лектор — Фердинанд Фош — показал себя мастером маневра, поэтому мы с большей уверенностью можем осуждать прусские методы ведения войны.

Но самое абсурдное и бессмысленное в немецкой армии — это конфликты между военной и морской разведывательными службами. Каждая из них получала значительные суммы (не менее двенадцати миллионов марок), тем не менее, каждая завидовала месту другой в секретном бюджете. Какого рода трения происходили до августа 1914 г., — неизвестно, но когда наступил кризис, оба отдела разведки были как бы в состоянии «гражданской войны», соперничали друг с другом и относились один к другому с большей враждебностью, чем к противнику. Все сведения агентов военной разведки считались противоречивыми и не имеющими никакой ценности. Так утверждали офицеры морской разведки, но если в руки военных разведчиков попадали сведения морской разведки, они еще с большим остервенением поливали их грязью. Агенты и другие сотрудники, а также и разведка союзников использовали этот конфликт в своих интересах: первые грабили казну, а другие доставали нужные им сведения. В противоположность этому, в период войны разведки союзников сотрудничали дружно, что не всегда можно было отметить в отношениях гражданских или военных властей этих держав.

В коллектив профессионалов секретной службы вливалось множество добровольцев, что свидетельствует о том, что новичков принимали хорошо. Организация превосходной артиллерийской разведки — весьма важный вклад французов в общее дело. Цель этой организации — получение всех сведений, имевших отношение к артиллерии противника, при чем было использовано даже гражданское население, как мужчины, так и женщины, которые, благодаря длительному пребыванию вблизи фронта, научились по звуку определять немецкие батареи. Незадолго до заключения мира каждая из крупных союзных держав приступила к организации специальной артиллерийской разведывательной службы по образцу французской армии.

В Германии обычно жаловались на то, что никогда уже не будет такого разведчика, как Вильгельм Штибер. Это означало, что наследники великого мастера разведки, несмотря на все свои данные, были только случайными его подражателями. В период войны в изолированном кабинете в Лондоне можно было встретить (но не иначе, как с его согласия) добродушного маленького человека, моряка, контрадмирала и начальника секретной

службы, методы которого были скрытыми даже для ищейки Бисмарка. Сэр Реджинальд Холл был известен в королевском флоте как эксперт по вопросам артиллерии и как специалист в области взрывчатых веществ; этот офицер с исключительной находчивостью (что, в частности, проявилось в мастерском спасении одного корабля в 1911 г.) обладал огромным личным обаянием. Он превосходно владел иностранными языками и изучал вопросы мировой политики. В октябре 1914 г. он был назначен начальником морской разведки. Блестящий заговорщик и горячий патриот, без тени каких-либо личных расчетов, Холл вдохновлял своих подчиненных на множество странных и опасных предприятий. Его достижения заставляли многих беспристрастных наблюдателей признать отдел британской секретной службы самым действенным из всех отделов, оперировавших где бы то ни было в эпоху мировой войны. Холл всегда стремился найти наиболее действительные средства, чтобы выиграть войну. Американские морские офицеры, работавшие с ним, говорили с чувством глубокого уважения о взаимном сотрудничестве и товариществе в британской морской разведке.

Британский морской разведывательный отдел добился величайших достижений, благодаря проникновению под воду человека, который заслуживает большего, чем беглое признание. Кораблестроитель Э. Ч. Миллер был очень способным водолазом: через год после назначения его в 1914 г. инструктором водолазного дела при морском училище он получил задание спуститься к германской подлодке, незадолго до этого потопленной орудийным огнем у побережья Кента. Предполагаемое расположение потопленной подлодки было отмечено буйком. Миллеру поручалось добыть все возможные данные о конструкции и устройстве подлодки и установок на борту, о которых адмиралтейство не могло получить достаточно сведений от своих агентов при германских морских базах. С риском запутать воздухопроводы Миллер пролез в отверстие, пробитое снарядом в корпусе подлодки, и тщательно обследовал ее внутреннюю часть. Миллер был не только моряком, который исполнял свой долг, он был и великим предприимчивым водолазом. Он проложил себе путь к помещению офицеров в кормовой части и в сейфе нашел весьма драгоценный металлический ящик, в котором оказались планы новых минных полей, две книги германских морских кодов и секретный код для сношений с имперским морским флотом.

Таким образом началась таинственная работа морского разведывательного отдела в Лондоне, в которой знаменитая «комната 40» сыграла важную роль. Первоначальный успех Миллера был неожиданностью, а затем его чрезвычайная ловкость, смелость и способность противостоять давлению на больших глубинах использовались, насколько это было возможно. Была создана особая организация, которая доставляла его, воздушные насосы и остальное снаряжение в любое место на британском побережье, где затонула какая-либо германская подлодка. Подлодки терпели крушение и исчезали навсегда для всех, кроме Мил-

лера. Он мчался на место, где корабль-победитель оставлял буек, и, если только позволяла погода, спускался на дно. Ему часто приходилось пользоваться разрывными снарядами, чтобы проникнуть внутрь, но он всегда проникал в подлодку, несмотря на опасность, и появлялся затем на поверхности с новым металлическим ящиком, содержащим новые коды и планы противника.

Со временем он так же хорошо узнал внутреннее устройство и все приспособления на немецких подлодках, как любой немецкий инженер. До ноября 1918 г. более 60 подлодок легло на морское дно, и, за исключением очень немногих, все они были исследованы Миллером. Командующие германским флотом постоянно меняли расположение минных полей, секретные коды и специальные приказы, но британская разведка быстро узнавала о всех этих изменениях.

В некоторых случаях в адмиралтейство в течение 24 часов поступало до 2 тыс. перехваченных сообщений. Все немецкие коды и шифры быстро прочитывались, хотя в первое время каждый из этих документов являлся полной загадкой. Англичане утверждают, что они за день до сражения при Доггер Банк знали о выступлении немецких сил, их численность и направление движения и знали также о подготовке к Ютландскому сражению благодаря перехваченным и расшифрованным радиоприказам. Однако один весьма компетентный эксперт считает, что британская морская разведка была захвачена врасплох Ютландским боем, так как ни перехваченные сообщения, ни донесения агентов из Куксгафена не были своевременно учтены. Может быть это и верно, но сотни других сообщений, расшифрованных в «комнате 40», — сообщения о курсирующих подлодках, о готовящихся к налету цеппелинах, затем кодированные приказы по флоту, инструкции министерства иностранных дел послам в нейтральных странах — бесспорно были использованы в интересах союзников. Из «комнаты 40» вышла губительная телеграмма Циммермана немецкому послу в Мексике фон Экгардту, история которой описана в одном из знаменитых писем посла Уольтера Хайис Пэдж.

Президент Вильсон все еще держал нейтралитет; он понимал, что страна стоит на пороге войны, но не хотел итти по пути, противоречащему всем его идеалам. Циммерман желал заварить кашу в Новом Свете, чтобы избежать вмешательства Америки в европейские дела. Его телеграмма фон Экгардту содержала предложение о союзе с Мексикой против Соединенных Штатов и о содружестве с Японией; приманкой для Мексики должен был служить захват и аннексия территории в юго-западной части США. Это предложение было целиком фантастическим, однако, оно послужило решительным толчком, который заставил американское правительство вступить в войну.

Широкой публике осталась неизвестной роль, сыгранная сэром Реджинальдом Холл. Телеграмма Циммермана была перехвачена агентами британской морской разведки и расшифрована подчиненными Холла. Но, в целях облегчения дальнейшего наблюде-

ния, начальник морской разведки направил разгневанных немецких чиновников по ложному следу. Он предложил нескольким лондонским журналистам, статьи которых могли попасть в Германию через Голландию, Данию или Швейцарию, обвинить его в том, что морской отдел оказался неспособным перехватить это важное сообщение на пути к фон Экгардту, в то время как американские секретные агенты в Мексике с легкостью выкрали этот документ.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ РАЗВЕДКИ

Военный шпионаж был особо рискованным родом разведки. Разведка была почетным занятием до того, как война приняла огромный размах, который потребовал мобилизации целых народов. Даже маршалы переодевались и шли в разведку (например, маршал Пею). Великий французский маршал Катина гордился тем, что однажды переоделся в грязные лохмотья угольщика, чтобы проникнуть в Аррас, осажденный его армией. И английский король Альфред был не менее «великим», потому что он, переодетый, тайно посетил лагерь датчан, чтобы оценить опасность, грозившую его западному саксонскому королевству.

В эпоху рыцарства разведка считалась постыдным занятием, и в течение некоторого времени командующие армиями отказывались пользоваться ее услугами. В это время воры подвергались повешению за обыкновенное воровство, а профессиональный шпион пользовался известными привилегиями. Робинзон, военный разведчик, уличенный в Лондоне в 1757 г., просидел в заключении в Тауэре всего шесть месяцев, а затем был освобожден. Вскоре после этого некий доктор Хэнси, судимый в июне 1758 г., был неожиданно приговорен к повешению. На суде он спросил: можно ли обращаться с разведчиком так же, как с обыкновенным жуликом? (Колэн. «Война маршала саксонского»).

Мы не имеем сведений, была ли совершена казнь над Хэнси, но возможность ее возбудила большие волнения в кругах тайных агентов. Смертная казнь была грозным новшеством, и она отпугнула многих агентов, работавших в Англии для Людовика XV. Фридрих Великий приблизительно в то же время положил конец разведке, как веселой авантюре. Фридрих отличался врожденным талантом полководца, и это яснее всего выразилось в использовании разведчиков. Его считают отцом организованной военной разведки, а матерью разведки была сама необходимость.

Вначале Фридрих мечтал о лаврах Вольтера. Его памфлеты распространялись по всей Европе. Фридрих, известный всем как «похититель земель», прибавил к списку своих «преступлений» дурные манеры и цинизм. В весьма влиятельных будуарах обсуждался вопрос о том, как осадить выскочку. Вскоре Фридрих понял, что Россия и Франция объединяются с Австрией и что Саксония и Швеция последуют тому же примеру.

Вместо того, чтобы заниматься философией и памфлетами,

Фридрих должен был стать великим полководцем своего времени, иначе этот союз раздавил бы его. Ему следовало учесть обстановку своего маленького, бедного королевства и хорошо узнать военную силу противников. Он однажды уже победил Австрию, но для того, чтобы победить и эти страны, он должен был быть в курсе всех их намерений. Поэтому Фридрих организовал секретную службу таким образом, чтобы строить свои планы на основе обширной и фактической информации. Его секретная служба явилась самым крупным военным новшеством того времени, при чем его методы секретной войны остались действительными через полтора века без перемен во всех других областях военного дела. Фридрих содержал сотни разведчиков и лично проверял и сравнивал их донесения. Он делил своих агентов на четыре категории: 1) обычные шпионы, набранные среди бедняков, довольных возможностью заработать незначительные суммы или оказать услугу военному; 2) двойники, ненадежные ренегаты и вульгарные осведомители, пригодные главным образом для распространения ложных сведений у противника; 3) высокопоставленные люди, придворные и дворяне, штабные офицеры и заговорщики, постоянно требовавшие крупные суммы или привилегии, и 4) лица, которые вынуждены стать разведчиками против своего желания. Энергичный прусский король не только классифицировал агентов, но и выработал правила для вербовки и использования секретных агентов всех категорий.

Фридрих не учел разведчика-патриота. Он был реалист, циник и абсолютный монарх. Правители государств в его время редко соприкасались с подлинным патриотизмом. Французская революция еще не воспламенила Европу националистическим энтузиазмом. Угрозы и подкупы, обещания продвижения и выгод — вот те средства, которыми пользовался Фридрих.

Такие политики, как Гроциус и Маккиавелли, писали в защиту использования шпионов. Но в наши дни сэр Роберт Баден-Пауэлл скомпрометировал себя книгой «Мои приключения, как разведчика». Наполеон, располагавший тщательно организованной и дорогой секретной полицейской службой, часто повторял: «Шпион — прирожденный предатель». Он полагался главным образом на подкуп и угрозы.

Таким образом, в систематизации разведки не было никаких нововведений до тех пор, пока не явился другой пруссак — Штибер, великий мастер разведки при Бисмарке. В 1870 г. был большой подъем военной разведки, при чем агенты кишели всюду и вели себя так, как никогда до сих пор не вели. Первые опыты Штибера относятся к периоду до 1866 г., когда он организовал в Австрии разведку, результаты которой не имели себе равных в истории. Его образцом был не Фридрих, а Моисей. Когда этот великий пророк послал 12 сородичей, чтобы посмотреть страну, он не ограничил их заданием чисто топографического характера. После обычного совещания с Иеговой он был готов дать точные указания для агрессивной секретной службы. Когда Мольтке напал на Мак-Магона и перешел через Рейн, северная часть

Франции, в которую он вторгся, кишела прусскими разведчиками. Штибер имел 36 тыс. агентов на пространстве от Страсбурга до Сены.

Библейский вождь велел своим сородичам подняться на гору посмотреть страну и живших в этой стране людей, определить много их или мало, сильны они или слабы, какова у них земля, какие у них города, где живут они — в палатках или в домах. Далее он посоветовал им узнать, плодородна ли земля и какие леса в этой стране. И батальоны, посланные Штибером на территорию Наполеона III, собирали, начиная с 1868 г., именно такие сведения. Каждый шаг пути на Париж был занесен на карту и проверен в масштабе, словно военное наступление — точная наука, подобно астрономии или математике. Французская контрразведка была чрезвычайно слаба и не могла ничего поделать с 36 тыс. резидентов или туристов, занятых оптовой изменой. Деятельность такого количества разведчиков должна быть ощутима. Они видели все и, подобно пылесосу, всасывали в себя все, что нужно было Штиберу.

Непревзойденная быстрота, с которой прусские армии двигались к Парижу в кампании 1870 г., в значительной мере приписывается штиберовской подготовке в зонах вторжения. Мысль об этом успехе господствовала над всеми секретными службами Европы и проектами разведки в течение последующих сорока лет. Те из них, которые не собирались подражать Штиберу, должны были все же составлять планы для отражения подобной опасности. Все это привело к созданию специальных школ — единственное новшество военной секретной школы за десятилетия, протекшие от триумфов Штибера до начала мировой войны. Как бы привлекательным ни казалось подобное учреждение, разведывательная школа является только второстепенной академией генштаба, где способности к разведывательному делу могут культивироваться такой технической подготовкой, которая направит деятельность будущего разведчика в области, имеющей непосредственное значение. До войны немецкие разведывательные школы пользовались некоторой славой в Европе. Преподаватели были несомненно, очень хорошие и весьма требовательные, но все-таки были случаи, когда немецкие агенты, окончившие эту школу до мировой войны, заключались в крепости за допущенные ими ошибки.

Союзники в период войны разработали ряд дисциплинарных взысканий, которые налагались на проступки в секретной службе. Разведывательный механизм Штибера потерял равновесие сразу же, когда столкнулся с бдительным противником. Когда Брюссель был только-что занят, немецкие офицеры, приезжая по железной дороге, без малейшего колебания давали извозчикам адреса помещений, предназначенных в бельгийской столице для офицеров. Это походило на превосходно организованную веселую поездку. В то же время это был штиберовский трюк секретной готовности, но он был уже почти последним в этих зловещих и угрожающих продвижениях.

Несчастье германской службы заключалось в том, что ее руководители не умели быстро ориентироваться в новых условиях, в которых она оказалась после франко-прусской войны.

Германская служба делилась на армейскую разведку, морскую разведку и индивидуальный корпус. Первая работала под руководством главного штаба, который, по слухам, желал руководить и второй. Министерство иностранных дел ведало третьей организацией, руководя ею под непосредственным наблюдением императора. Разведывательные школы были соединены главным образом с двумя первыми отделами секретной службы, и классы комплектовались и руководились не более секретно, чем многие другие отделы военного ведомства. Начальники секретной службы сами преподавали в этих школах и подробно обсуждали различные хитроумные операции. Военные инженеры главного штаба читали лекции по фортификации, тригонометрии, топографии и черчению.

Разведчик должен уметь правильно определять высоту, углы, расстояние и рельеф местности. Одним словом, он должен стать наблюдателем, при чем в наблюдении он полагается только на свое зрение и интуицию. Известно, что один секретный агент, работавший в Великобритании до лета 1914 г., путем измерения расстояний шагами и случайного наблюдения углов и последующей триангуляции, рассчитал с точностью до ярдов и футов размер большого и важного моста на севере. Не вызывая никакого подозрения у местных жителей, он даже определил, сколько человек может быть расположено поблизости от этого сооружения; он изучил основание моста, геологическую породу его быков и определил количество динамита, которое, по его мнению, требовалось для «капитального ремонта» в случае войны между Германией и Британией.

Во время мировой войны подготовка в немецких школах разведчиков, повидимому, велась наспех, небрежно и не в немецком духе. До войны подготовка шла так, что в течение шести — восьми месяцев школы выпускали агентов, образование которых, по мнению осведомленных и беспристрастных лиц, не уступало образованию, даваемому многими технологическими институтами. Однако следует учесть ту истину, что интенсивное изучение технологии противно природе талантливого разведчика. Прирожденные мастера типа Штибера — Шульмейстера никогда не захотят посещать школу. Возможно, что именно этим объясняется активность германских агентов в условиях мирного времени и их полный провал в условиях мировой войны. Следует также отметить, что руководители германской службы, несмотря на доверие к своим школам, до войны постоянно имели дело с рядом темных личностей, занимавшихся изучением крепостей и продажей полученных сведений тому, кто за них больше даст.

Оставляя в стороне освященную временем фридриховскую классификацию военных разведчиков, следует заметить, что современный разведчик, независимо от своего значения и характера, известен своим начальникам только по роду своей работы. Раз-

ведчик может быть резидентом, сидя на одном месте и выжидая благоприятного момента, или же разъезжая по стране с целью проникнуть в ее тайны. Работа последнего может быть чрезвычайно полезной в мирное время и иногда давать весьма эффективные результаты во время войны. Разъезжая по стране, разведчик-резидент менее подозрителен и дает более точные сведения, так как он сообщает только о том, что видел собственными глазами. Любитель, профессионал, патриот, ренегат, наемник — все могут быть бдительными, правдивыми и осмотрительными в выборе средств связи; каждый из них может избежать неосторожных поступков, а большего ни один начальник разведки от них не потребует. Резидента гораздо труднее обнаружить, и обычно противник находит его путем выслеживания разведчиков-посыльных или сборщиков донесений, которые называются иногда «почтовыми ящиками». Иногда резидент сам выдает себя какой-нибудь фантастической попыткой непосредственной посылки донесений.

Отдельные агенты германской службы были объединены в одну организацию, и после объявления войны каждый агент, обнаруженный контрразведкой противника, увлекал за собой ряд других агентов. Контрразведка обнаружила несостоятельность большей части новшеств, введенных Штибером и его кликой в систему Фридриха Великого. Современная секретная служба провозгласила, что легионы, когорты и даже небольшие группы разведчиков, оперирующих вместе, представляют собой бо́льшую опасность, чем то же количество агентов, руководимых порознь и работающих отдельно друг от друга. Военные специалисты, которые любят подчеркивать, что подготовка и дисциплина превращают толпу людей в дисциплинированную армию, естественно, не могли согласиться с мыслью, что для разведчика неблагоприятны те условия, которые благоприятны для солдата. В начале мировой войны руководителям разведывательных отделов, работавшим по системе Штибера, пришлось через собственный опыт притти к отрицанию признанных систем и правил в первые же недели войны.

Через месяц после объявления войны лондонская контрразведка познакомилась с некиим Карлом Густавом Эрнстом, парикмахером, который юридически был британским подданным, так как родился в Англии. В течение 16 лет этот человек жил в одном и том же доме на Каледониан Род и, по всей вероятности, в течение всего этого времени получал почту, как «почтовый ящик» германской разведывательной службы в Великобритании. Как потом стало известно, его жалование составляло всего один фунт стерлингов в месяц, но если это кажется незначительным, так и риск тоже был невелик, а стараний и того меньше. Письма с инструкциями для агентов приходили к нему пачками из германского разведывательного центра в Шарлоттенбурге. На всех конвертах были наклеены английские марки, и Эрнсту оставалось только бросить их в ближайший почтовый ящик. Все ответы, приходившие к нему, он отправлял своим немецким

хозяевам. Таким образом, его деятельность была столь случайной и обыденной, что он ничем не мог себя выдать. За исключением имен и адресов (последние менялись очень редко), он знал очень мало или даже ничего не знал о центробежной силе, функционирование которой он обеспечивал.

Немцы считают, а англичане не пытаются оспаривать, что провал Эрнста, этого типичного «почтового ящика», был результатом работы одного английского агента, проникшего в тайны разведывательного центра в Германии. Скромный, никому неизвестный парикмахер вел переписку с двадцатью двумя корреспондентами, при чем все они были немцами, тщательно рассеянными по различным морским и военным центрам Британии. Один из них уехал 4 августа 1914 г. и, таким образом, случайно или благодаря предчувствию избежал провала. Сам Эрнст не имел никаких оснований поднимать тревогу и не имел возможности спастись. Он был арестован 5 августа с бритвой в руке; 21 агент, оставшиеся для наблюдения за подготовкой Англии к войне, были в тот же день взяты под стражу.

Эрнста осудили на семь лет каторжных работ. Остальных, как немецких подданных, только интернировали до конца войны. Это достижение контрразведки превзошло все известные к этому времени случаи расстройства планов разведки. Германская разведывательная служба была ослеплена одним ударом: завеса, более плотная, чем любой лондонский туман, окутала Британию сразу же после объявления войны. Прусский генерал фон Клук говорил о том, как он был удивлен, когда авангард его первой армии неожиданно встретился с британскими регулярными войсками. Английская контрразведка скрыла экспедиционные силы от своего ближайшего противника. И если бы британская постоянная армия была так же велика, как силы фон Клука, то он был бы настолько поражен, что это чувствовалось бы от Монса до Танненберга.

После первых провалов немецкие руководители разведки перестали верить в непогрешимость своей организации и стали презирать и нередко обвинять себя. Говорилось, что важные разведывательные задания слишком часто давались некультурным и глупым лицам. Эрнст — парикмахер и иностранец по рождению — провалил в Англии все с самого начала.

Германская секретная служба оказалась несостоятельной не из-за недостатка голубой крови: ее неудачи могут быть отнесены на счет устарелой стратегии. Гений, подобный Штиберу, учел бы изменения и постарался бы не плестись в хвосте. Однако, отдавая справедливость Штейнхауеру и его коллегам, руководившим германской разведкой в 1914 г., следует заметить, что главные провалы происходили не на европейском континенте. Великобритания, Северная Америка и Восток были твердыми орехами, сопротивлявшимися всяческому давлению, а Штибер не оставил указаний, как проникнуть к противнику, не имеющему сухопутных границ.

Как только в Шарлоттенбургском центре поняли значение про-

вала в Британии, сразу же принялись за работу — необходим было заменить Эрнста и двадцать одного агента. Центр обра щался за советом к различным крупным агентам в Голланди Швеции и Дании. Германская разведка требовала принятия решительных мер, но события последующих месяцев отправил новую партию агентов в тюрьмы и в Тауэр на расстрел. Осень 1914 г. около четверти миллиона бельгийских беженцев прибыл в Англию на миноносцах, пароходах, буксирах и весельны лодках. Это массовое движение прикрывало проникновение зна чительного числа шпионов, так как британские власти не могл подвергать всех прибывающих строгому опросу. Один агент из этой партии был настолько дерзок, что сделал выговор англи ской береговой страже за то, что его слишком быстро пропустил и напомнил ей, что во время войны следует относиться с по дозрением ко всем иностранцам.

Немецкие агенты, проникшие в Англию с бельгийцами, оправдали надежд, которые возлагали на них руководител разведки. Им не удалось возобновить работу Эрнста и интерни рованных корреспондентов.

Первым из них был незадачливый патриот Карл Ганс Лоди Лоди был старшим лейтенантом запаса германского флота хорошо знал Англию, так как прежде служил гидом в общ стве «Гамбург — Америка — Лайон». Он жил некоторое врем в Америке и, владея языком с американским акцентом, выдава себя за американца. Большая часть арестованных ничего знала об особенностях английской речи и поплатилась за это Лоди же пострадал за усердие и излишнее старание скрыть сво следы. После того как в Германии стало известно о его провале чиновники секретной службы упоминали о нем только дл того, чтобы его осуждать, и утверждали, что он сделал ря промахов и вызвал подозрение и бдительность по отношени к разъездным агентам, что привело к обнаружению и смерт других агентов.

В первой половине сентября 1914 г. Лоди появился в Эдин бурге с паспортом на имя американца Чарльза Э. Инглисс Настоящий Инглисс был недавно в Берлине и хлопотал о визе Ему пришлось некоторое время подождать, потому что министер ство иностранных дел необъяснимым образом «потеряло» ег документ, по которому Лоди затем был арестован в Шотландии Инглиссу с обычными извинениями был вручен другой паспор по требованию американского посольства. В это время Лоди послал телеграмму в Стокгольм, незаметно перебрался из гости ницы на частную квартиру и, взяв на прокат велосипед, нача изучать окрестности. Он задавал слишком много вопросов, обна руживая подозрительный интерес к гавани в Розите, и проявля знание морских дел, не имеющее ничего общего со знаниям обычного туриста. Лоди был взят под подозрение после перво же своей телеграммы. Он адресовал ее на имя Адольфа Бухар в Стокгольм и необдуманно пытался представить себя человеком питающим враждебные чувства к Германии. Но цензура не та

легковерна. Если кто-либо пишет слишком преднамеренно, то она, в свою очередь, дарит его особым вниманием. Агенты, следившие за Лоди, начали проверять его неумелую хитрость с помощью почты, его письма задерживались для химической обработки. Ясно, что на положении Лоди ни один подданный нейтральной державы и ни один американец не стал бы тратить деньги на телеграмму, чтобы выразить свою радость другому подданному нейтральной державы по поводу немецких неудач. Лоди не пользовался кодом, хитростью или какой-либо другой формой секретных сообщений. Он приехал в Лондон, остановился в маленькой гостинице и изучал сооружения противовоздушной обороны, затем вернулся в Эдинбург, а оттуда поехал в Ливерпуль, чтобы посмотреть на океанские пароходы, переоборудованные во вспомогательные крейсеры. Лоди послал Бухарду пять писем, из которых только одно дошло до Швеции. В этом письме Лоди подтверждал нелепые слухи о русской армии, высадившейся в Шотландии и транспортируемой оттуда во Францию для операций на Эне. Из Ливерпуля он направился в Холихед, Дублин и Килларней, оттуда — к морской базе при Квинстоун. Но его последнее письмо к Бухарду являлось достаточной уликой, и он по требованию Скотланд Ярда был задержан ирландской полицией. Четыре недели спустя, 30 октября, Лоди предстал перед военным судом в Лондоне.

В его вещах, кроме фальшивого паспорта, нашли записную книжку с заметками по морским вопросам и с адресами в Берлине, Гамбурге и Стокгольме. Копии четырех писем, отправленных Бухарду, тоже были в этой книжке. Он не защищался и держал себя как человек, который выполнял свой долг, не стыдясь этого и не боясь последствий.

После смерти Лоди в Великобританию был направлен поток агентов главным образом из разведывательных школ в Антверпене и Везеле. Задолго до 1914 г. германская разведывательная служба собрала все сведения о потенциальных военных силах Франции и России. Поэтому разведка в этих странах могла ограничиться обычным наблюдением за передвижением войск, численностью и моральным состоянием полков и дивизий, за производством и погрузкой огнеприпасов. Но в Британии велась подготовка большой добровольческой армии, рабочие продолжали волноваться, в Ирландии происходило брожение, и британский флот, неодолимый в бою, стягивал свою блокаду, которая должна была стать арканом на шее Германии, независимо от побед на континенте. Агенты-резиденты могли выполнить задачи, поставленные им во Франции и России. Большое число подобных агентов оставалось в этих странах, при чем многие из них остались необнаруженными и время от времени оказывали серьезные услуги своим центрам. Англия же не только убрала всех агентов, насаженных до объявления войны и поддерживавших связь с Германией через парикмахера Эрнста, но и держала в своих руках большую часть секретов, терзавших Штейнхауера и его коллег.

В течение пятнадцати дней (май — июнь 1915 г.) было обнару-жено и арестовано семь агентов. Ни один из этих агентов н был простым любителем работы в чрезвычайно опасной област никто из них не был без предварительной подготовки. Кажды из семи этих агентов получил известную подготовку, хотя и учителями были люди, имевшие лишь чисто теоретические п знания, так как Германия при их жизни не вела никаких войн Учителя могли только рассказывать разницу между шпионаже в мирное время, при отсутствии контрразведки, и разведкой эпоху, когда народы ведут смертельную борьбу и располагаю молодой, но бдительной контрразведкой, совершенствующейс изо дня в день. Эта разница была весьма ощутима. Из сем агентов, захваченных за эти две недели, ни одному не удалос добыть сколько-нибудь ценных сведений. Ни один из них н прибыл в Англию с выгодными рекомендациями или больши опытом в секретной службе или врожденной способносты к преодолению всевозможных препятствий.

РАЗВЕДЧИК И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Умные и толковые разведчики редко проваливаются, а луч-шие из них даже не возбуждают подозрения. Этим определяетс искусство шпионажа, которое в основном сводится к трем мо-ментам: 1) узнать местонахождение самых ценных документов 2) добыть их, оставаясь необнаруженным, и быстро передат начальнику все, что удалось получить, и 3) оставить против-ника в неведении относительно того, что его планы известны

Если второе или третье из этих условий нарушено, то вс рухнуло — агент провалился как у себя на родине, так и з границей.

Определить местонахождение ценных документов менее трудно чем это кажется, особенно в случае войны, когда самые обыкно-венные вещи могут иметь значение для штаба противника. Боле того, многие агенты получают точную инструкцию, какие сведе-ния добывать, где их добывать и т. д. После этого работа п добыче сведений не является большим подвигом. Любой секрет-ный агент может это выполнить. Передать сведения после того как они добыты, гораздо труднее и опаснее. Разведчик-любитель возбужденный своим кажущимся успехом в получении секрет-ных сведений, воображает, что его задание почти выполнено Осторожный профессионал знает, что самая большая опасност впереди. В условиях современной цензуры и контрразведки агент несмотря на ряд хитроумных изобретений и химических но-вовведений, становится чрезвычайно уязвимым в тот момент когда он пытается сообщить свои наблюдения или открытия.

На проблему передачи сообщений во время войны было затра-чено столько внимания, что о третьем условии — скрыть о противника факт знакомства с его тайнами — вспомнили гораздо позднее. Разведчики иногда помнили об этом, иногда пренебре-

гали — в зависимости от обстоятельств. Следует помнить, что разведчик, который ничем не пренебрегает, превзойдет остальных и переживет их.

После заключения мира один французский секретный агент объявил, что он неоднократно бывал в немецком разведывательном центре майора фон Бюлова в пригороде столицы Швейцарии. Это была настоящая крепость, центр, руководивший большей частью разведчиков, которые работали в тылу французских армий центра и правого фланга. Чтобы убедить бывших противников в правдивости своих слов, агент смело описал главное помещение разведки: люк под ковром и половицами со звонками, которые поднимали тревогу, когда на них наступали, кресла и даже ключи, намеренно оставленные в замках и соединенные с проводами высокого напряжения. Независимо от того, как он проник впервые в это тайное убежище (благодаря подкупу или собственной смелости), его осторожность и осведомленность позволяли ему повторять эти посещения. Агент добился этого только потому, что вся его деятельность разведчика не оставляла следов.

Известно также, что один германский агент в течение многих месяцев служил при французском военном суде в качестве переводчика на процессах лиц, обвиняемых в шпионаже. Этот человек хладнокровно и с актерским самообладанием присутствовал при осуждении своих коллег, но никогда не проявлял по отношению к ним каких-либо чувств. Его задача, как агента, заключалась в донесении своему начальнику о том, каким образом французы обнаруживают и судят разведчиков, что имело громадное значение для начальников, которые подготавливают и посылают новых агентов.

Разведчики, подобные этому переводчику, представляют собой редкие и особенно опасные типы, добивающиеся большой власти. В штабе кронпринца баварского находился высоко всеми ценимый молодой майор, его неутомимое усердие в работе вызывало всеобщее удивление. Этот уважаемый всеми помощник принца Рупрехта был на самом деле англичанин. Он имел связь с британским разведывательным отделом, который послал его в Германию до войны, подобно Тренгу, Брендону и множеству других искателей приключений. Случайные обстоятельства вознесли его на высокий пост, и он, благодаря своей ловкости и уму, был на этом посту до перемирия; после этого он переменил, наконец, свой мундир и участвовал в переговорах по вопросам мира. Его ценность, как агента, за время службы майором в баварском штабе может оцениваться только предположительно. Возможно, что вся его работа, главным образом, заключалась в организации постоянной секретной связи, что являлось все более и более трудной задачей по мере того, как росло доверие принца к нему. Завистливые товарищи и подчиненные могли следить за ним более тщательно, чем детективы*). Все же предполагается, что

---

*) Агент сыскной полиции в Англии и США.

он совершил нечто из ряда вон выходящее, потому что военно министерство в Лондоне отказалось сообщить о его действиях

Назначения или выдвижения, как в данном случае или в случае с переводчиком, естественно, редки. Теперь существую офицеры контрразведки, чтобы пресекать это зло. Но обезопасит себя против агента, постоянно живущего в стране и одаренно настойчивостью и умом, немыслимо. Таким секретным агенто был Карл Зиверт. Он всю жизнь прожил в России и соро с лишним лет, по приказу министра внутренних дел, занима в Киеве пост секретного почтового цензора. На этом основани ему было разрешено вскрывать почту, адресованную начальник императорского штаба ген. Алексееву, изучать письма, посылаемые Брусиловой, женой командующего армией, жене ген. Троцкого, командующего Киевским округом, при чем он даже чита официальную корреспонденцию военного министра и графа Георгия Бобринского, русского губернатора оккупированной австрийской территории в Галиции. Зиверт попался только случайно.

Большой опыт делал Зиверта драгоценным агентом для всяко начальника разведки. Однако агенты, не имевшие официальны постов, превосходили его по быстроте проникновения в военны дела. В настоящее время стало известным, что один агент работал на железной дороге и сообщал в течение первых двух месяцев мировой войны германскому штабу в Восточной Пруссии русский полевой шифр. Зная этот шифр, немецкое командовани могло сразу же переводить все радиосообщения, которыми обменивались русские во время вторжения в Восточную Пруссию. Весьма вероятно, что агент, доставивший шифр, получил за сво работу только несколько сот рублей, но слава фон Гинденбург стала оплотом немецкого народа и поддерживала его дух многи годы. Зато русские потерпели жестокое поражение: шесть корпусов было уничтожено, десятки тысяч человек были взяты в пле или погибли в озерах.

Список великих разведчиков будет неполным, если мы не включим в него имя полковника Лоуренса. Признанный гений, с большими познаниями, Лоуренс показал во время кампании в Мало Азии, что в качестве разведчика может в любой момент проникнуть через турецко-германский фронт. Он так мастерски переодевался, что его в Дамаске приняли за турецкого дезертира и порядке «дисциплинарного взыскания» избили до потери сознания. Он всегда имел точные сведения о силах противника, результаты его разведки имели неоценимое значение для генерала Алленб в период кампании в Палестине. Лоуренс так живо и толково описал свою работу в разведке и других областях военного дела, что мы лучше отошлем читателя к его собственной знаменитой книге.

Что касается разведчиков-любителей, то чемпионом мирово войны следует признать одного бельгийца, служившего в момен оккупации на сталелитейных заводах в Льеже. Благодаря отваг и работе этого патриота, союзники получали сведения обо все немецких воинских поездах, проходивших через Льеж до 22 августа; после этого числа ему уже не с кем было посылать сообще-

ния, которые он раньше посылал с беженцами, направлявшимися в Англию. В течение многих дней он скрывался в дренажной трубе, под насыпью, наблюдая за поездами и считая вагоны по мере того, как они проезжали над его головой. Он даже был в состоянии отмечать артиллерию и другие специальные части оккупационных войск. Если бы он получил специальную подготовку для секретной службы, он не мог бы поступить с большим пониманием дела, при чем все получаемые им сведения он своевременно доставлял англичанам.

То обстоятельство, что значительная часть военной разведки была во время мировой войны возложена на гражданское население, объясняется тем, что военные были слишком осторожны или пренебрегали работой в тылу противника. Гражданское население, живущее в зоне, в которой происходит вооруженное столкновение (при Армантьере, например, некоторые семьи жили на расстоянии менее 750 м от окопов), помимо своей воли, рекрутируется для секретной военной службы. Разведка представляет собой такую же трудную профессию, как игра на сцене или писание пьес— поприще, на котором почти каждый чувствует себя призванным быть великим. В то же время контрразведка, т. е. уличение разведчиков противника, является страстью миллионов людей. Однако есть люди, которые ради выгоды продают сведения. Сейчас же после объявления войны эти люди (чаще всего граждане нейтральных стран) и всевозможные ренегаты, бывшие преступники и мошенники спешат к тому, кто даст наивысшую цену. Если бы не военный суд и расстрел, громадные стаи этих шакалов сновали бы по всему театру военных действий. И странно, судьба, ожидающая их при провале, не останавливает этих продажных наблюдателей. После того, как кто-нибудь из этой шайки провалится, будет судим и расстрелян, они исчезают или переходят в другой лагерь. Поэтому-то во время войны обе воюющие стороны и оповещали о расстрелах разведчиков.

Работа разведчика или контрразведчика, ее значение и риск создают из профессиональных секретных агентов как бы особую касту. Они не всегда таинственны, как в романах. Им приходится выполнять гораздо больше скучной, повседневной работы, чем кажется тем, кто смотрит на их деятельность с романтической точки зрения. Они могут быть патриотами, пользоваться в своей личной жизни репутацией честного человека, жизнь их будет относительно скучной, спокойной и прозаичной. Они даже могут быть чужды так называемому духу приключений, и самое лучшее для них — это отсутствие склонности драматизировать свою профессию. Но они — искатели приключений, и их профессия требует любопытного сочетания свойств, непохожих на те, которые требуются солдату или исследователю, наемному вояке, спекулянту, контрабандисту или какому-либо другому нарушителю закона. Каждый профессиональный разведчик должен быть одаренным лингвистом, способным свободно говорить на нужных ему языках с верным акцентом или без всякого акцента, в зависимости от характера принятой им на себя роли.

Помимо знания языков и технического знакомства с военными вопросами, что может дать школа, секретный агент должен обладать такими врожденными свойствами, как отвага, выдержка, спокойствие, воображение и т. д. Существует несколько основных правил поведения, которые должны быть известны каждому профессиональному разведчику, и он должен верить в справедливость и в необходимость этих правил.

Некоторые разведчики пугались в первый же момент и быстро признавались во всем. Немало их трусливо настаивало на том, что они «только изучали упадок морального состояния противника». Разведчики-патриоты позволяли себе проявлять свой пылкий патриотизм, услышав сообщение о победе своей армии, или, что еще хуже, пытались выразить радость по поводу поражения своих, которое на самом деле огорчало их и уязвляло их гордость. Однако они, очевидно, умышленно пренебрегали фактами и информировали о слухах, не оговаривая, как это должен делать разведчик, что это только слухи. Немецкие разведчики постоянно занимались пропагандой и диверсией; и то и другое — военные действия, но заниматься этим должны специальные агенты, провал которых не подверг бы опасности других разведчиков и не нарушил бы системы разведки, которая после провала может быть налажена вновь только с большим трудом.

Со времен Штибера существовала доктрина об индивидуальной заслуге и общественном достоинстве лиц, занимающихся разведкой, правительственными заговорами и тому подобными делами секретного, но все же официального характера. Считалось, что лица высшего общества тоже должны заниматься разведкой, и немецкое руководство по разведке подчеркивает, что шпионаж более «почетное занятие», чем регулярное выполнение своего повседневного долга в армии. В действительности, несмотря на штиберовскую установку о примате секретной службы и на участие в ней джентльменов, лордов, а также на существование дорогостоящих разведывательных школ, — большая часть агентов очень мало или вообще ничего не знала о разведке. Агенты были выбраны и подготовлены для того, чтобы оказывать определенные услуги своим начальникам и нанимателям, при чем им не давалось никаких указаний, как спасать свою жизнь и как повысить свою квалификацию. Принято считать, что наемный агент через некоторое время всегда становится обузой. Если учесть, что эту мысль усиленно подчеркивали, а подготовкой агентов все-таки пренебрегали, то нет никаких оснований удивляться тому, что союзники обнаруживали столько наемников и профессионалов, которые даже не являлись любителями с точки зрения знакомства со своим делом.

Эва, воспитательница, получившая место в одном известном доме в Лондоне, была заподозрена в шпионаже и подвергнута допросу. Она сразу упала духом и призналась в своих намерениях, но заявила, что до настоящего момента не имела случая получить какую-нибудь ценную информацию. На самом же деле у нее были превосходные случаи до того, как она возбудила

подозрение, но она просто не знала той игры, в какую играла. Эта девушка наивно призналась также и в этом. Она рассказала, что была послана в Англию своим возлюбленным и хотела стать шпионкой, чтобы доставить ему удовольствие. В дополнение к его нежной благодарности она должна была получать ежемесячно двести марок.

Немецкие разведчики теряли время на наркоманов, жалких и отвратительных созданий, жаждущих наркотиков и готовых обещать за них все, что угодно. Немецкие химики могли посылать им сколько угодно этого товара, и небольшие пакетики с наркотическими средствами прикреплялись под вагонами товарных поездов, идущих из Швейцарии во Францию. Но агенты, распределявшие эти средства среди подонков Парижа, поступали по-детски, если предполагали, что наркоман может располагать точными военными сведениями или может разобраться в них, если случайно придет в соприкосновение с ними. Преступников, конечно, можно заставить ради наркотиков пойти на убийство или кражу, но надежные люди, располагающие важными военными тайнами, в период войны никогда не относились безразлично к своим обязанностям. И поэтому они были хорошо защищены от преступного элемента.

Заповеди разведчика должны содержать много странных требований и среди них требование — не проявлять своих характерных национальных черт. Французских агентов предупреждали, чтобы они избегали чрезмерной вежливости. Один из них рекомендовал себя в Мюнхене комиссионером какого-то берлинского концерна, и его выдала полиции кельнерша из ресторана. Она сказала, что он благодарил ее за все, что она ему подавала; частые «благодарю вас» убедили ее в том, что он не тот, за кого себя выдает. В начале мировой войны, когда военное положение Германии казалось благоприятным, некоторым немецким агентам было трудно скрыть свой восторг. Наглый или грубый, самодовольный, ломающийся или словоохотливый агент будет повешен гораздо скорее, чем воспитанный, предусмотрительный и сдержанный разведчик.

Нам было бы очень приятно рассказать о разведчиках со сценическими талантами, в гриме и с фальшивыми усами. Но дело в том, что современные разведчики редко маскируются, если они могут избежать этого. Фальшивое имя в паспорте или американский костюм на немецком моряке — вот современная маскировка. Профессиональные осведомители самого низкого пошиба могут выдавать себя за джентльменов, человек низшего происхождения выдает себя за герцога, путешествующего инкогнито, — это и есть маскировка. Очень трудный, смелый и отнюдь не редкий прием маскировки — это рекомендовать себя офицером армии или флота противника. Все начальники секретных служб знают, что паника, которая охватывает гражданское население всех стран в начале войны, разные слухи, шпиономания, — все это служит для скрытия первоначальных шагов агентов противника. Общее возбуждение и обращение в органы контрразведки

по поводу всех случайных подозрений и ложных тревог настоящий разведчик использует как наилучший способ маскировки. Он побежит вместе с толпой и потребует ареста каждого явного иностранца или, наоборот, он отречется от буйных патриотов, спокойно займет свою позицию (которую позже использует для разведки) и мирным, нормальным образом жизни введет в заблуждение самых бдительных людей.

Американский секретный агент, которому в период мировой войны поручили следить за Плутархом Элиасом Каллес — губернатором Соноры, известным германофилом, — маскировался под мексиканца. Он покрывал всю свою кожу иодом, а когда это средство оказалось слишком болезненным, он добавлял к нему грязь.

Ловкость этого агента видна из того, что ему даже было позволено в некоторых важных случаях пользоваться поездом диктатора Соноры.

Опытный агент знает, как действовать, чтобы не возбуждать подозрения, он лучше всего скроет свое лицо под маской грубости или глупости: спортсмен становится увальнем, подтянутый офицер и образованный джентльмен всегда могут скрыться под маской грязи, дурных манер и беспутной жизни.

Все это относится, главным образом, к послевоенной обстановке и к той части земли, где победоносные союзники внезапно прониклись бо́льшим недоверием друг к другу, чем к своим только-что побежденным противникам.

Знание языков, врожденный талант, хорошая подготовка, личное превосходство — все это не поможет агенту, если он не выберет подходящей маскировки и роли, которую сумеет сыграть безошибочно и естественно.

Мюллер и Альтшуллер, самые находчивые из австрийских агентов, работавших в России, были приняты в хорошем обществе. Это были полезные агенты. Были слухи, что жена русского военного министра собиралась посетить прекрасное новое имение Альтшуллера, который вернулся в свою родную Вену не только с военными сведениями, но и с барышами, полученными от спекуляции на поставках на армию. Но началась война, и границы были закрыты. Мюллер работал около двух лет в тылу русской армии и был настолько небрежен, что выдал себя. Агент тайной царской полиции задержал его. Но Мюллер был недюжинной личностью и хорошо знал, с кем имеет дело. Он стал рассказывать о намерениях австро-венгерской секретной службы по отношению к России. Он сообщил потрясающие факты и даже выдал трех русских агентов, состоявших на австрийской службе. А затем, после того, как рассказал все, что нашел нужным, и до суда оставалось уже немного времени, Мюллер бежал. Предполагалось, что ему кто-то помог в этом.

Серб Кривош выдвинулся благодаря своим лингвистическим дарованиям. Будучи бедняком, он был рад получать деньги от русских и от тех, кто был заинтересован в русских военных делах. Кривош не занимал высокого поста, но не имел ничего против того, чтобы занять его. В течение некоторого времени он

служил переводчиком при штабе генерала Брусилова и в качестве такового привлек к себе внимание князя Орлова, начальника царской частной канцелярии. Орлову нужен был переводчик, и Кривош сумел произвести такое впечатление, что показался более пригодным для этого дела, чем сотни патриотически настроенных русских. Орлов выхлопотал для него офицерский чин и прикомандировал его к штабу VIII корпуса. Здесь Кривош получил такие же колоссальные возможности для своей секретной работы, какие имел Карл Шульмейстер.

Революция открыла, что в списках тайной полиции среди имен многих подозрительных лиц стоит и имя Кривоша. Таким образом мы видим, что этот никому не известный человек настолько втерся в доверие власти, что даже охранка боялась его трогать. Агенты контрразведки не успели схватить его, их власть кончилась, и деятельность Кривоша прекратилась.

В Палестине и в Малой Азии англичанам пришлось вести борьбу с несколькими талантливыми разведчиками, которые были столь же трудно уловимы, как и австро-германские агенты, работавшие в тылу царской армии. Офицер военной разведки Алленби сообщает о двух выдающихся агентах: Прейссере и Френксе. Прейссер, подобно полковнику Лоуренсу, мастерски выдавал себя за араба. Турецкие союзники считали его бедуином. Как теперь известно, он не менее трех раз проникал в британский штаб в Каире, свободно разъезжал из Константинополя в Каир, собирая информацию от менее крупных агентов, туземных резидентов и местных разведчиков, получающих деньги от Германии или Турции. Прейссер никогда не попадался; с ним даже не происходили такие неудачи, как с Лоуренсом, и турецкие сержанты не избивали его до потери сознания, приняв его за арабского дезертира.

Френкс, получивший чин капитана, а затем и майора от восторгавшихся им противников, которым он причинил много хлопот, работал еще более дерзко, чем Прейссер. Он с легкостью выдавал себя за английского или колониального офицера, причем обладал такими большими и многосторонними познаниями, что никогда не выдавал себя за одного и того же человека дважды. Он обладал прекрасной внешностью, хорошими манерами и техническими познаниями почти во всех областях военного дела; в его распоряжении был большой выбор мундиров войск противника. Однажды он, в форме офицера артиллерийского снабжения, «инспектировал» один артиллерийский полк. В другой раз он получил полный план предполагаемого заграждения; он причинял много хлопот всем офицерам, которые хотя бы отдаленно напоминали его. Их задерживали в момент выполнения самых срочных заданий и заставляли терять время до полного выяснения их личности.

СВЯЗЬ — САМАЯ ОПАСНАЯ ЧАСТЬ РАБОТЫ РАЗВЕДЧИКА

Самый опасный момент работы разведчика — это передача сведений по назначению. Девять из десяти разведчиков, обнаружен-

ных агентами контрразведки, проваливались вследствие ненадежности средств связи, которыми они пользовались. Во время мировой войны один немецкий агент использовал реку Скарп, протекающую вблизи Арраса, от британских позиций к немецким: он надрезал рыб, вкладывал в эти надрезы свои сообщения и доверял рыбу с военной информацией реке для доставки по назначению. Этот агент не был пойман, из посланных им сообщений было перехвачено только одно. Английским солдатам приказали собирать и разбирать все отбросы, плывущие по реке мимо их позиций, и благодаря этому еще одна хитрая выдумка оказалась несостоятельной.

Использование почтовых голубей было настолько обычным, что всем войскам на фронте приказывали стрелять по голубям, летящим в сторону противника. Достоверно установлено, что один голубь был выкрашен в яркие краски, чтобы походить на попугая, так как какой-то агент считал, что попугай во Фландрии привлечет к себе меньше внимания, чем голубь. При попутном ветре немецкие агенты во Франции пытались пользоваться воздушными шарами для доставки своих донесений. Немецкие снайперы подстреливали эти игрушки, — они падали на немецкую территорию; французским и британским снайперам тоже приказано было наблюдать за игрушечными воздушными шарами и подстреливать их, когда они летели над французской или британской территорией.

Письма в мирное время доставляются достаточно быстро и надежно. Но во время войны они попадают в руки цензора, который замечает каждую пометку, нарочитость текста, подчеркивание и прочие особенности, которые хотя бы отдаленно наводят на мысль о наличии кода. Использование симпатических чернил, казалось бы, могло ввести в заблуждение цензоров. Но разведчик Антон Кюпферле, последовавший в Тауэр за Лоди, был обнаружен благодаря тому, что письмо, отправленное им в Голландию, было проявлено.

Кюпферле был неподходящим человеком для разведки. Немало немецких агентов погибло во время мировой войны из-за неточности произношения. Кюпферле своим произношением вызвал подозрение еще до того, как он высадился в Ливерпуле. Ему дали возможность посетить Дублин и поехать оттуда в Лондон, где сразу же после отправки погубившего его письма детективы Скотланд Ярда прервали короткую карьеру агента, патриотизм которого не мог покрыть его полнейшую некомпетентность в деле разведки.

Химики обеих враждующих сторон изобретали новые и замечательные чернила всякий раз, когда секрет прежних становился известен противнику, и каждое такое изобретение посылалось тайными путями агентам. Поэтому чернила приготовлялись нередко в виде лекарств, мыла, зубной пасты и мазей. Но еще лучший способ посылки небольшого количества чернил заключался в том, что ничего не подозревавшего путешественника просили передать какую-либо принадлежность туалета находящемуся за границей

приятелю. Этот приятель — агент или его помощник, а принадлежность туалета (пальто, жилет, рубашка, брюки или пара носков) пропитывалась новыми чернилами. Такой простой процесс, как кипячение рубашки или носков, мог снабдить агента достаточным количеством чернил, чтобы покрывать поля газет или поверхность другой бумаги, которая может избежать бдительности цензора.

Одно весьма важное разведывательное донесение, пришедшее в Англию от бельгийского агента в самом начале войны, было написано на большом листе бумаги, сильно просаленном, словно смазанном салом, а в центре письма была прожжена большая дыра. На этой бумаге лимонно-формалиновыми чернилами была написана подробная оценка численности немецких войск, проходящих по Бельгии в направлении к Франции. Запись шла через сало до края прожженного отверстия и продолжалась с другой стороны до самого края листа. В эту бумагу была завернута пара сапог, которые один беженец вез с собой вместе с другим наскоро уложенным скарбом.

Некоторые лица утверждали, что неразорвавшиеся снаряды не разрывались именно потому, что в них находились инструкции, а не взрывчатые вещества. Предполагалось, что агентам было известно, где и когда будет выпущен предназначающийся для него снаряд. Агент должен был находиться где-нибудь поблизости, вырыть снаряд и исследовать его содержимое.

Многие агенты получали такой громоздкий предмет, как клетка с почтовыми голубями. Агент должен был скрываться сам и скрывать голубей от любопытных глаз.

Английский агент Ричардсон, живший в Рубэ, принимал у себя офицера германского штаба, в это время голубь робко высунул голову из корзинки. Немец сделал вид, что ничего не заметил, но вскоре ушел и вернулся с солдатом. Уверенный в том, что голубь был замечен, Ричардсон поместил в корзинку цыпленка, и эта птица так поразила немцев, что они ушли, не подозревая, что Ричардсон спрятал голубя в другое место.

Захват почтового голубя грозит больше, чем арест агента противника. Если бы немцы захватили голубя Ричардсона, они, несомненно, использовали бы его для посылки ложной информации. Разведчики всегда отдавали себе отчет в этом, и во многих случаях, когда арест казался вопросом ближайших минут, они отпускали на волю своих голубей прежде, чем пытаться спастись самим. В 1916 г. один летчик вез разведчика, которого должен был высадить в отдаленной части Бельгии; так как агент посылался на срок не менее двух недель, то ему дали с собой трех голубей, которых он должен был оставить у агента-резидента и посылать через определенные промежутки времени с предварительными донесениями. Несмотря на свою опытность, летчик, приближаясь к месту посадки, потерпел аварию, при чем агент был убит, а он сам тяжело ранен. Благодаря эластичности корзинки голуби остались невредимыми, но у летчика была сломана нога, он запутался в обломках своего самолета и не мог добраться

до них. Он знал, что через несколько часов его найдут, и, если его найдет немецкий патруль, голуби будут доставлены в ближайший штаб и отправлены затем союзникам с той информацией, какая будет желательна неприятельскому командованию. Уверенный в том, что никакие войска до утра не пройдут вблизи места катастрофы, он начал звать на помощь. Его соображения оказались правильными: одна старая рыночная торговка-бельгийка первая услышала его крики, поняла значение его жестов и открыла корзинку с голубями, прежде чем оказать ему какую-нибудь другую помощь.

Использование самолета для доставки разведчиков в тыл противника является величайшим нововведением в истории разведки. Впервые это средство было использовано в балканской войне 1912—1913 гг. Первые опыты связаны с именем предприимчивого юного американца, который ознакомил с этим и французский главный штаб в конце 1914 г. Лейтенант Берт Холл начал свою карьеру летчика в турецкой армии в 1912 г. Он летал на французском моноплане, производя воздушную разведку за сумму в сто долларов золотом в день. Турецкая армия держалась на оборонительных позициях. Когда после поражений при Кирк Килиссе и Люлэ Бургасе был осажден Адрианополь, турки начали интересоваться Малой Азией. Холл хорошо работал, но, когда прекратилась оплата, прекратилась и его работа. Он перелетел на своем самолете с механиком-французом в Болгарию и был приглашен болгарами вести для них разведку за ту же сумму; и так как он во время своей службы у турок основательно изучил укрепленные позиции перед Константинополем, ему предложили попытаться спуститься за фронтом у Чаталджа для разведки. Холл указал на признанную всеми разницу между воздушной разведкой, для которой он был приглашен, и агентурной разведкой. Но он согласился за соответствующее вознаграждение попытаться высадить какого-нибудь болгарского агента в пределах турецкого фронта.

Однако, когда болгары начали задерживать платежи, Холл счел войну для себя оконченной. Он исчерпал средства двух враждующих сторон, ассигнованные ими на воздушную разведку. Он уже складывал свои вещи и... был арестован как турецкий шпион. Этот типичный балканский метод расчета с кредитором поставил американца в весьма критическое положение: как наемник, он не мог обращаться к американским дипломатическим представителям за помощью. Он предстал перед военным судом и был присужден к смертной казни. Его механик-француз, арестованный в качестве второстепенного соучастника, сумел бежать и, вернувшись с несколькими смельчаками, разгромил болгарскую гауптвахту и спас Холла. В августе 1914 г. американский летчик вернул свой долг французам, присоединившись на второй день войны к французской армии. Три месяца спустя он был переведен в воздушную службу. Он вошел в состав эскадрильи Лафайетта, от которой к концу войны остались в живых только Холл и еще один летчик. До образования этой

эскадрильи лейтенант Холл доставлял французских разведчиков в тыл германских войск. Подобные полеты должны были совершаться ночью, — и чем темнее ночь, тем лучше; посадка производилась на незнакомом и неподготовленном месте; затем следовал обратный полет, а через две недели он прилетал за разведчиком, и снова повторялась вся эта опасная процедура. Холл был пионером этого дела и, благодаря своему хладнокровию и мастерству, благополучно доставил обратно всех разведчиков.

После столь опасного начала доставка агентов по воздуху вошла в порядок дня работы авиации всех воюющих держав, при чем для защиты летчика и его пассажира было придумано множество различных усовершенствований. Так, например, посадка производилась вблизи дома какого-нибудь агента-резидента, который зажигал яркий свет в трубе, видимый только непосредственно сверху. Этот сигнал также помогал летчику при полете за агентом. В некоторых случаях агент-резидент бывал не готов в условленную ночь или его задерживали по подозрению в шпионаже, тогда летчик совершал полет даром. Иногда ему приходилось напрасно летать несколько ночей подряд, пока не появится агент.

Союзники пользовались большим преимуществом в этой области секретной службы. Бельгия и оккупированные области Франции были открыты для них тысячью неизвестных немцам посадочных площадок, при чем сотни патриотов всегда были готовы помочь им. При такой низкой оплате, как семьсот франков за круговой полет, англичане и французы пользовались помощью бывших жителей Бельгии, которые могли быть высажены вблизи домов или в ближайших окрестностях, где им была знакома каждая пядь земли. Для того, чтобы располагать такими преимуществами на западе, немцам приходилось оплачивать предателей-французов, которые знали местность, но могли быть известны и задержаны как шпионы. Когда немцы убедились, что обстоятельства складываются против них, они установили микрофоны, улавливающие шум мотора самолета на тех отдаленных участках оккупированной территории, на которых немецким летчикам ночью делать было нечего. Союзники парировали этот удар, сократив число необходимых посадок вдвое и спуская разведчиков на парашютах. Таким образом, разведка приняла фантастический вид, и разведчики спускались прямо с неба на противника, которому пришлось бы для наблюдения за полями и садами партизан, готовых принять и скрыть разведчика, убрать из окопов всех солдат.

В войне требуется мужество. Конечно, были мужчины и женщины, достаточно храбрые для того, чтобы вести разведку, но лететь над зенитными батареями противника, совершать посадку в темноте или, что еще хуже, прыгать с парашютом, — этого не каждый желал. Однако всем ясны преимущества разведчика, которого доставляют по воздуху. Предположим, что летчик совершил удачную посадку, а разведчик сменил форму на штатское платье и отправился в город, пребывание в котором даст ему

ценный материал. Ему ничего не надо записывать, так как он сам вернется не позже, чем через две недели, и сообщит обо всем, что ему удалось увидеть. Совершенно естественно, разведчик будет следить за проходящими войсками, и так как на мундире каждого солдата имеются какие-либо полковые или дивизионные знаки различия, разведчик, запоминая эти знаки, собирает ценные данные о воинских частях в данном округе.

Если этот разведчик встретит крупный артиллерийский парк, он обязан узнать, сколько пушек в парке и в каком они состоянии. Посмотрев на несколько пушек то в одном, то в другом месте, он может судить, новые ли это орудия или уже побывавшие в бою. Кроме этого, он определит и их калибры. Однако проявление слишком явного интереса к пушкам может оказаться роковым для разведчика. Постороннему глазу не должно быть заметно, что разведчик считает пушки. Он может, не обращая внимания на пушки, прогуливаться вокруг парка, считая шаги: столько-то в длину, столько-то в ширину. Затем, помножив эти цифры, он рассчитает приблизительную площадь, занимаемую орудиями каждого типа, и определит площадь парка. А потом, разделив общую площадь на площадь, занимаемую каждым орудием, разведчик получит приблизительное число орудий.

Возможно, что разведчику придется принять от агента-резидента письменное донесение, которое ему будет трудно запомнить. В этом случае он берет донесение с собой только тогда, когда отправляется навстречу прилетевшему за ним самолету.

Разведчик должен избегать перехода через пограничный пост, где его могут подвергнуть опросу и обыску, он должен обходиться без письменных донесений, как бы скрыты они ни были. Это увеличит его безопасность во много раз.

При использовании самолетов агенты секретной службы избегают опасностей, ожидающих их на границе. В настоящее время предпочтение всегда будет дано агенту, который запоминает наизусть и представляет свои донесения устно.

Суровая почтовая цензура эпохи мировой войны имела и положительную сторону, которая была использована секретной службой.

Средства связи должны были быть упрощены до крайности, чтобы избежать цензоров. Когда это условие было учтено, последовало множество изобретений. Сложные коды и хитроумные шифры, запутанные настолько, что лейтенанты, разбирающие их, сходили с ума, были сданы в архив вместе с мушкетами, ружьями, заряжаемыми с дула, и другими устаревшими вещами. Секретный агент мог свести свой письменный отчет к ряду разорванных слов, знаков и чисел. Этот отчет мог сбить с толку противника, в руки которого он случайно попадал. Однако внешняя странность документа могла ускорить провал агента.

Эдгар Аллан Поэ с поражающей ясностью писал об этой сложной проблеме расшифрования сообщений, остававшихся тайной для всех, кто не располагал ключом, которым пользовался писавший сообщение. Методы, описанные Поэ, не очень измени-

лись за сто лет. Другой американец, полковник Фабиан, посвятил свои знания и досуг решению всевозможных проблем, связанных с кодами и шифрами. Изучив тысячи страниц печатных текстов, он усовершенствовал таблицу повторяемости букв, которая облегчает работу шифровальщика.

Эта легкость расшифрования кодов играет важную роль, так как ограничивает их использование во время войны. Коды и шифры всегда являются изоляторами для передаваемых мыслей. Приказы по армии, независимо от способа передачи, должны быть зашифрованы, что представляет собой простую перестановку слов или букв. Они могут быть легко расшифрованы каждым, кто имеет ключ. Шифрование предназначается для введения в заблуждение противника не более чем на несколько часов. Шифры только ставят втупик и прикрывают тайну, в то время как коды могут скрыть мысль так глубоко, что она никогда не выйдет наружу, если кодовая книга будет потеряна. Коды используют слова и предложения, имеющие другое произвольное значение, при чем подлинный их смысл невозможно понять, если неизвестно, что подразумевается под каждым отдельным словом или выражением кода. Во время войны один британский генерал в качестве эксперимента послал важные приказы по радио открытым текстом. Как он и ожидал, немцы, читая его краткие и энергичные предложения, были убеждены в том, что это новый, чрезвычайно запутанный код, и не использовали перехваченные приказы. Таков был результат постоянного употребления кодов и шифров в поле: все, что казалось очень простым, принималось за самый сложный код.

Но где, скажите, найти код, которым разведчик может пользоваться и который не заметят цензоры? Если разведчик пишет невидимыми чернилами между строчками письма или на нотах, на объявлении или на газете, то он поступает по старому обычаю, стараясь написать свою информацию кодом. Проявление нескольких букв или цифр выдаст послание, как опасный документ, и его уничтожат. Один агент был захвачен в Англии за то, что властям попала в руки такая ничтожная улика, как три цифры на полях газеты. Можно предполагать, что, если бы его цифры были записаны кодом, он мог бы спасти свою жизнь или остаться необнаруженным в течение более длительного срока. Но разведчики чувствуют какую-то суеверную неприязнь к кодам и шифрам. Сколько агентов погибло из-за нелепых или сложных хитросплетений! Недаром на смену этим выдумкам в качестве новой защитной окраски пришла подчеркнутая естественность. Два голландца — Янсенн и Роос — работали как агенты морской разведки; они выдавали себя за комиссионеров табачной фирмы и посылали из всех посещаемых ими морских портов телеграммы с заказами на тысячи сигар самых дорогих марок. В этих телеграммах слово «корона» означало линкор. Если заказывалось 4.000 «корон», это означало, что в порту, из которого был послан «заказ», стоят четыре линкора. Естественно, что этот внезапный спрос на табачные изделия был отмечен телеграфными

цензорами. Когда этих «голландских купцов» (в действительности безработных матросов) подвергли допросу, они заявили, что являются представителями одной голландской фирмы, которая была так незначительна, что такие большие заказы на дорогие сигары могли быть объяснены слабым разумом ее владельца. После того, как им предъявили доказательства, обвиняющие их, они сознались и были приговорены к смертной казни.

Шифры были известны еще древним грекам и римлянам, причем и те и другие уже пользовались голубиной почтой и, по данным одного древнего историка, пытались приучить ласточек к передаче военных сообщений. Хитроумный грек, тиран Милета, хотел поднять восстание против Дария. Учитывая бдительность персов, он велел одному рабу обрить голову, написал на бритой голове свое сообщение и, когда волосы отросли, послал его к ионийцу Аристагору, который мог ознакомиться с посланием, просто-напросто снова обрив голову раба. Современному секретному агенту в поисках новых путей и средств передачи тайн снова приходится обращаться к хитрости. Дым из труб в окрестностях Вогез считался хорошим средством передачи. Дым был виден на большое расстояние, и, кроме того, его можно было регулировать: выпускать через определенные промежутки времени и т. д. Словом, дым был весьма гибким кодом. Незаметные, почти микроскопические царапины на монетах также были кодом. К ничего не подозревающему путешественнику мог обратиться какой-нибудь служащий отеля с просьбой передать несколько монет «бедному родственнику», живущему в городе, в который направлялся путешественник. Путешественник брал монеты, не зная, что на каждой из них начертано от двух до десяти слов, которые можно прочесть при медленном вращении монеты под увеличительным стеклом.

Так называемый «словарный» шифр с успехом скрывает сообщение от непосвященного, но ни один агент на территории противника не может использовать его для письма или телеграммы, так как подобное сообщение будет немедленно задержано цензором. Этот код — превосходное средство для переписки между агентами секретной службы в мирное время. Чтобы пользоваться им, необходимо иметь только одну книгу, предпочтительно словарь. Человеку, незнакомому с данным словарем и принятой системой обозначения слов, сообщение, посланное этим кодом, покажется нагромождением букв и цифр с сумасшедшей пунктуацией. Наиболее удобными для этой цели являются маленькие словари, напечатанные в два столбца.

Более утомительный код, но вполне надежный и приводящий в отчаяние почтовую цензуру, — это трафарет, который выделяет из текста несколько слов, образующих самостоятельное сообщение и рассеянных среди многословного и расплывчатого письма. Трафарет представляет собой простой лист бумаги с прорезанными в нем отверстиями, через которые видны нужные слова. Эти отверстия, образующие определенный рисунок, и их расстояния друг от друга и от полей должны сохраняться в па-

мяти агента, который должен писать сообщения с учетом размеров отверстий трафарета. Каждый агент должен располагать шестью или семью вариантами трафарета, чтобы приурочить к ним всевозможные комбинации слов, необходимых для его секретного донесения. В одном и том же письме может быть два или три сообщения между строк, в которых рассказывается о семейных делах. Чтобы прочитать эти сообщения, необходимо иметь два разных трафарета. Получатель письма, если он может не опасаться провала, имеет наготове нужные трафареты. Упоминание о каком-либо дне недели в первой фразе письма указывает ему, какой комбинацией трафаретов он должен пользоваться; затем он накладывает трафарет на указанную страницу и прочитывает донесение агента. В тех случаях, когда ни пишущий письмо, ни его адресат не могут иметь при себе уличающего их документа, им необходимо очень точно запомнить рисунок трафарета.

Агенту, располагающему абсолютно надежным кодом или шифром, приходится при отправке сообщения (безразлично, почтой или телеграфом) учитывать опасную проблему адреса. Цензоры в сотрудничестве со службой контрразведки приобретают весьма точные сведения о разведывательных центрах противника в городах нейтральных стран и помнят все адреса, связанные с подозрительными письмами или телеграммами. Во время мировой войны немецкие агенты, согласно инструкции, писали несуществующим бельгийским пленным, что было весьма остроумной уловкой; но некоторые немецкие агенты, выдававшие себя за комиссионеров, совершали огромную ошибку, заявляя, что они являлись представителями голландских и швейцарских фирм, уже названных агентами, которые провалились до них и судьба которых им была неизвестна. Английских солдат, возвращавшихся после отпуска во Францию, некоторые лица просили опустить письмо. Англичане охотно выполняли эту просьбу, не отдавая себе отчета в том, что отвезенное ими во Францию письмо не проходило никакой цензуры. Но письма не всегда были главным средством связи; донесения обнаруживались на яйцах, якобы отправляемых на рынок, и на щипцах для завивки. В последнем случае надписи вытравлялись кислотой и затем покрывались тонким искусственным слоем ржавчины.

Британские агенты в Лондоне задержали и исследовали ноты, потому что они были отправлены в адрес одного подозрительного лица в Цюрих. Это были две песни: «Лестница любви» и «На пути в Дублин», а адрес отправителя гласил: «Джек Каммингс, театр Палас». Человек с таким именем не существовал вовсе; но то, что контрразведка имела дело с агентом противника, стало ясно, когда проявитель выявил между нотными линейками донесения о сделанных в Англии наблюдениях. После установили, что настоящее имя «Каммингса» — Куртенедэ Рисбах. Этот человек, сын австрийца, принявшего британское подданство, был талантливым водевильным актером, автором комедий, фокусником и велосипедистом-трюкачом. В момент объявления

войны он имел ангажемент в немецких мюзик-холлах и был интернирован в Рулебене; там его убедили заняться агентурной разведкой, разрешили покинуть Германию и поехать путешествовать — «поправить здоровье». Но вследствие того, что он посылал свои донесения по адресу, помещенному в списке подозрительных адресов, эти путешествия привели его к пожизненному заключению.

Увидев, что почтовая цензура столь опасна для секретной переписки, немецкие разведывательные центры начали посылать приказы своим агентам во Франции с помощью музыкального кода; слова песен оставались неизмененными, но ноты были каждый раз другие. Песня под названием «Незабудка Эльзаса» посылалась в виде периодического издания, и, несмотря на то, что одним иностранным музыкальным издательством присылались десятки нот этой песни, в течение долгого времени никто и не подозревал, что это разведывательный бюллетень. Но в одном французском порту жило некое подозрительное лицо, почта которого тщательно просматривалась. Еженедельно он вместе с другими нотами получал и экземпляр «Незабудки Эльзаса». Эти ноты исследовали и сфотографировали. Оказалось, что текст песни оставался прежним, а музыка в каждом экземпляре была другой. Ноты передали специалисту по расшифрованию, и он раскрыл тайну.

Иногда пользовались открытками. Их склеивали под большим давлением, при чем с одной стороны был адрес, с другой — изображение, а между ними листок тончайшей бумаги с донесением или картой. Один немецкий агент, живший на юге Франции, писал свои донесения специальными чернилами на куске тончайшей слюды, а затем искусно прикреплял этот прозрачный слой к стеклам пенснэ. Писание на маленьких кусочках тонкой бумаги было делом обычным. Многие разведчики носили эти документы в своих трубках под табаком; таким образом в случае опасности агент всегда мог закурить трубку и уничтожить эту улику. Но когда появился новый метод — слюда на пенснэ, — многие агенты отказались от трубок.

Секретные агенты отважно рискуют жизнью, действуя по вдохновению; их противники — агенты контрразведки — также бывают охвачены вдохновением, а иногда терпеливо месяцами работают, не представляя никаких дел военному суду.

Во время мировой войны в Париже жил один подозрительный человек, который в течение многих недель не делал ничего компрометирующего. Но в конце концов была найдена одна вещь, которая дала нужную нить. Этот человек жил в скромном отеле, и при многократных обысках в его комнате было замечено, что у него имелось несколько носовых платков, которые он никогда не отдавал прачке. Эти драгоценные платки были пропитаны новым химическим составом, не известным до тех пор союзникам. Понадобилось около двух месяцев, чтобы обнаружить некоторую дозу этого состава в платке, взятом французским агентом и замененном другим абсолютно схожим платком. Не удивительно,

что этому человеку удавалось вводить в заблуждение наблюдательность секретной службы. Благодаря необычайному терпению агентов и химиков контрразведки новые чернила были, наконец, открыты, и после этого агент с платками и многие другие были захвачены врасплох с поличным.

Большая немецкая радиостанция в Кауэне периодически казалась охваченной каким-то приступом лихорадки и посылала в эфир бессмысленный поток слов, произносимых с устрашающей быстротой. Предполагалось, что это делается для того, чтобы мешать работе радиостанций союзников. Как и все остальные немецкие радиопередачи, эта неразбериха тоже была записана фонографом. Однажды один офицер поставил этот валик, пытаясь найти подобие кода в этой передаче. Пока он прислушивался, фонограф замедлил ход, и тогда-то он добился, наконец, открытия. Скорость передачи маскировала определенный код, используемый для посылки инструкций немецким агентам в Южной и Центральной Америке; эта остроумная выдумка открылась только благодаря случайному замедлению фонографа.

Напомним знаменитую историю о британском солдате-художнике, который как-то делал во Фландрии набросок с ветряной мельницы и заметил, что она вращается против ветра. Не менее знаменит пример и о разведчицах — матери и дочери, которые жили в течение многих лет в важном стратегическом пункте недалеко от Амьена. Обе женщины были немками по рождению и немецкими агентами, поселенными во Франции в 1901 г. Они, несомненно, могли видеть многое, что было неуловимо для немецких разведчиков на расстоянии 75 миль. Они изобрели следующий метод сигнализации немецким летчикам: развешивали белье для просушки на веревке во дворе. Но женщины очень скоро возбудили подозрение. Наблюдавший за ними агент французской контрразведки не мог согласиться с тем, чтобы два человека могли пачкать столько белья. Он заметил также, что вещи часто развешивались ими и в плохую погоду, при чем почти все они были ярких цветов. Женщины Франции, потерявшей 900 тыс. жизней, обычно ходили в трауре или носили платья темных цветов, чтобы не оскорблять глаз пострадавших. Подозрения сменились уверенностью: немецкие самолеты летали низко, и летчики проявляли большой интерес к постоянно стираемым красным, зеленым и оранжевым платьям. Вскоре двум женщинам-агентам, ожидавшим войну с 1901 г., пришлось ждать ее в тюремных камерах.

В течение заключительных месяцев мировой войны различные секретные службы столкнулись с новым методом сигнализации: с инфракрасными и ультрафиолетовыми лучами. Инфракрасные лучи — это длинные световые волны, не дающие световых ощущений, могут посылаться специальной сигнальной лампой и оставаться незамеченными всеми, кроме наблюдателя, вооруженного полевым биноклем со специальным экраном. При самых благоприятных атмосферных условиях, при ярком солнечном свете эти сигналы передавались на расстоянии восьми миль. Теперь

мы видим, к каким победам в области связи идет разведка и какими колдовскими штуками она располагает для будущих конфликтов.

Разведчик в своей работе пытается использовать все достижения современной техники. Мы не можем предсказать методы связи, которыми будут пользоваться разведчики в будущем, но думаем, что по своей научной изобретательности эти методы для нас сейчас показались бы фантастикой.

КОНТРРАЗВЕДКА — ОРГАНИЗОВАННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА РАЗВЕДЧИКАМИ

Как мы уже видели, военная разведка носила несколько любительский характер и была чем-то вроде спорта для офицеров до тех пор, пока Фридрих Великий не открыл, что лучше нанять и подготовить крестьян для этой работы, чем рисковать жизнью генералов и маршалов, переодетых крестьянами. Король-солдат первый придал разведке характер строго обдуманной системы. Сорок лет спустя два изобретательных француза — Реаль и Демарэ, старшие лейтенанты Фушэ, талантливого, но неустойчивого министра полиции Наполеона, — случайно создали современную систему наблюдения за разведчиками.

Контрразведка противопоставляется разведке, а разведчик и контрразведчик представляют собой нападающего и обороняющегося. Простая классификация сравнивает разведку с преступной деятельностью, а контрразведку — с организованной защитой против преступления. Но такое распределение ролей не только неправильно освещает работу многих разведчиков, о подвигах которых мы говорили выше, но и ограничивает деятельность контрразведчика элементарными заданиями. В секретной службе так же, как и на самой войне, активное нападение часто является лучшей защитой. Контрразведчик пользуется всяким оружием и всеми уловками, которые используются разведчиками. Контрразведка является самой искусной формой разведки: это — наблюдение над самими разведчиками, при чем контрразведчик тоже должен отказаться от всякой болтовни и действовать втихомолку.

Одно сенсационное дело о шпионаже, прошумевшее на всю Европу в 1910 г., в действительности являлось демонстрацией методов контрразведки. Бертрам Стюарт был профессиональным разведчиком и способным офицером регулярной британской армии. Ему предложили добыть сведения о немецких укреплениях и военном положении на островах и материке от Эмдена до Куксгафена — единственной части немецкого побережья, беспокоившей штаб в Уайтхолле. Стюарту приказали остаться во Фрисландии, наводить справки с голландской стороны и рассматривать самому все, что возможно, не проникая в Германию; помимо того, ему разрешили щедро оплачивать любых осведомителей, которые доставляют ему ценные сведения. Стюарт был

честолюбив, энергичен и в качестве профессионального разведчика не удовлетворялся информациями, полученными из вторых рук на большом расстоянии от объекта разведки. Он превысил свои полномочия, перешел границу и встретил какого-то человека, который показался ему достойным доверия и располагавшим ценными сведениями. Они поехали в Бремен, где этот человек оказался агентом германской контрразведки. В Бремене Стюарта арестовали и приговорили к шести годам тюремного заключения. Германская печать истолковала этот эпизод, как грозный акт британской агрессии. Благодаря этому процессу в том же году удалось заставить рейхстаг утвердить значительно бо́льшие суммы на вооружение. По случаю посещения Берлина английским королем германский император простил Стюарта.

В других условиях, и главным образом во время последней войны, контрразведчику приходилось вступать и на неприятельскую территорию. Иногда он преследовал разведчика, внезапно проскользнувшего через границу. В других случаях он шел на это опасное дело в поисках доказательств, которые могли навести его на след других агентов противника, деятельность которых он частично раскрыл. В тот момент, когда контрразведчик расстается с родной почвой для выполнения подобного задания, он может быть задержан, как разведчик.

Таким образом, в течение мировой войны разведчики и контрразведчики западных воюющих держав проявляли прямо-таки фантастическую деятельность в Берне, Цюрихе, Женеве и почти во всех остальных частях Швейцарии. Несмотря на то, что швейцарская армия и полиция в большей своей части были в начале войны на стороне Германии, швейцарцы редко задерживали французских, британских или американских агентов, хотя и были осведомлены об их деятельности. Но немецкие агенты, как, например, Кор, фон-Соммерс, Кенигер, Мейер и многие другие, были задержаны и приговорены к тюремному заключению. Это происходило потому, что агенты союзников умели добывать и представлять швейцарским властям документальные доказательства о том, что германские разведчики покушаются и на безопасность Швейцарии. Немцам же никак не удавалось убедить швейцарцев в том, что британские, французские, итальянские или американские агенты занимались в действительности не контрразведкой, а покушением на нейтралитет маленького альпийского государства.

Офицер, работающий в контрразведке, редко пользуется преимуществами по сравнению с разведчиком, и в довершение всего он должен быть готов противостоять ярости пойманного в ловушку агента. Обнаруженный и загнанный в тупик, агент понимает, что дело идет о его жизни, и он, если может, прибегает к предательству, убийству, обману и т. д. Ни нож в спину, ни взятка — никакое преступление не увеличит его наказания, но зато может привести к спасению.

Поступающий на службу контрразведки должен обладать целым рядом качеств: скромностью, смелостью, терпением, острым

умом, сообразительностью, изобретательностью, воображением, интуицией, неутомимой работоспособностью, честностью и способностью к изучению языков. Каждый контрразведчик должен быть бдительным и в отношении своих товарищей по работе. Это необходимо по той причине, что разведчики, проникая на секретную службу противника, всегда метят в контрразведку.

Посмотрим, как один англичанин по фамилии Эверт проник на работу в немецкую контрразведку. Во время войны британские, французские и другие агенты контрразведки знакомились с разведывательными школами в Шарлоттенбурге, Везеле, Антверпене, Берне и Фрейбурге, обращаясь туда в качестве граждан нейтральных стран, желающих продавать свои услуги Германии. Но очень редко случалось, чтобы кто-либо, кроме немцев, мог попасть на работу в германскую контрразведку. Эверту просто посчастливилось. Он знал Германию и свободно говорил на немецком языке. Сумев проникнуть в немецкую военную разведку, он выполнял задания и по контрразведке вдоль голландской границы и в прирейнской области.

Руководители германской разведки получили сведения о каком-то отважном британском агенте, который добывал тщательно скрываемые информации прямо под их носом в окрестностях Эссена, — это был Эверт. Но так как он пользовался репутацией энергичного контрразведчика, то ему приказали разыскать англичанина. Теперь это кажется смешным, но для него это тогда было большой опасностью. Эверт сумел преодолеть все препятствия и не провалился. Об этом не узнали бы и по сей день, если бы он после заключения мира сам не рассказал о своей работе.

Контрразведкой, как побочным делом, занимался и Штибер. Время от времени его агенты нападали на какого-нибудь одинокого несчастного агента противника. Но именно Штиберу следует отдать справедливость в том, что он доказал, что контрразведка в своих действиях должна быть безжалостной и осторожной. Он утверждал, что во время войны разведчик должен иметь право убивать агента противника так же, как солдат может стрелять по солдату неприятельской армии, если тот не сдается в плен.

Агент противника, утверждал он, должен быть застрелен, как противник на поле сражения. Но, если он не убит, а ранен и взят в плен, он должен быть судим и казнен. Пусть он будет расстрелян за то, что «напал на транспорт раненых», «стрелял» по обозу или в генерала и его адъютантов. Короче говоря, основание для казни должно было быть таким, чтобы казненный не вызвал сочувствия и не прослыл героем. Штибер на практике осуществлял свое убеждение: войну выиграет самая безжалостная из секретных служб.

Но подлинное искусство (или наука) контрразведки было создано во Франции. Агенты секретной полиции Наполеона — Реаль и Демарэ сделали контрразведку достаточно безжалостной, но вместе с тем она носила строго оборонительный характер и была, несомненно, необходимой в стране, наводненной множеством ино-

странных агентов. Власть Бонапарта всегда была военной властью. Основы его империи покоились на тлеющих развалинах предшествовавших режимов. Революционеры наблюдали за ним и ненавидели его, как монарха — притеснителя своей родины, а роялисты, эмигранты, изгнанные аристократы и всевозможные шарлатаны создавали против него заговоры и шпионили за ним, как за военным узурпатором.

Как мы уже видели, широко поставленная, смелая и толковая разведка требует создания настоящей контрразведки.

ДОСТИЖЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДЧИКОВ В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В период мировой войны деятельность разведчиков стала международной проблемой, которая интересовала все воюющие и почти все нейтральные государства, вынуждая их принимать всевозможные меры для организации действительной контрразведки. В 1916 г., как и в дни Наполеона, разведка вызвала к жизни контрразведку. Вскоре сенсационные достижения разведчиков стали редким явлением. Контрразведка использовала все свои преимущества в области организации, она привлекла толковых людей и использовала наступательную тактику. В России приходилось иметь дело с видными изменниками, подкупленными противником и сумевшими ловко окопаться, и хотя контрразведке не удалось выявить их всех, все же многие были преданы суду. Австро-Венгрии приходилось наблюдать за входившими в ее состав многочисленными народностями.

Во Франции британским и американским экспедиционным силам приходилось импровизировать систему контрразведки среди хотя и чужого, но не враждебного населения. Все военные начинания подлежали охране в чужой стране, представляющей зачастую те же трудности, что и территория противника. На Балканах и в Палестине начальникам английской и французской секретных служб пришлось попасть в такое же положение. Не мудрено, что на обширном европейском театре военных действий контрразведка превратилась в грандиозную силу, оставившую далеко позади достижения агентов и военной полиции всех предшествовавших войн.

Из всех контрразведывательных организаций, вызванных к жизни мировой войной, организация, созданная бельгийцами, была самой совершенной и не имевшей прецедентов в истории. Организация эта создалась неофициально, экспромтом, и все же оказалась вполне жизнеспособной в течение всего периода оккупации Бельгии. Германская армия, великолепно подготовленная и организованная, не боявшаяся лобовой атаки, после победоносного похода от Льежа до Антверпена, продолжавшегося немногим более девяти недель, утвердилась на месте, возложив невыносимые тяготы на семимиллионный народ. Молодые бельгийцы, достигшие призывного возраста, убегали из Бельгии, чтобы при-

соединиться к остаткам армии короля Альберта, расположенной на крайнем левом фланге фронта союзников. В этой внешне покоренной стране скрывалось множество английских и французских солдат, раненых и оставленных в тот момент, когда их части были оттеснены назад, во Францию. Эти раненые не хотели сдаваться в плен, и вот, с помощью и по совету полковника Джибса, мисс Кавель, доктор Булль, князь и княгиня де Круа организовали переправу их через границу. Работа эта противоречила военным законам завоевателя. Опасаясь германской секретной службы, бельгийцы организовали контрразведку, которая во многих случаях своевременно получала сведения о готовящихся налетах и преследованиях и не раз спасала людей.

Германская разведывательная служба в Бельгии в течение нескольких лет работала под руководством Куэра и Тизена; у нее были агенты, настроенные не менее патриотично, чем бельгийцы. Однако положение завоевателя отличается от положения побежденного тем, что последний находится на своей собственной территории и имеет в своем распоряжении тысячи людей, стремящихся отомстить противнику. Бельгийские заговорщики проявили максимальную ловкость, чтобы перехитрить германскую систему, славившуюся своим совершенством. Вокруг комитета помощи беглецам образовалось несколько групп, работавших в том же направлении. Сначала все бельгийцы переправлялись через леса на крайний левый фланг союзников, но после октября 1914 г. этот путь был закрыт, линия фронта протянулась до моря, и пришлось прокладывать путь в нейтральную Голландию через Брюссель. Люди этих групп были очень энергичны и находчивы. В течение четырех месяцев одни переправили за границу три тысячи человек, а другие за тот же период времени переправили по более длинному и опасному пути восемьсот человек.

На суде над Арманом Жанн в Монсе в марте 1922 г. в первый раз выявилось совершенство бельгийской контрразведки. Жанн, осведомитель, весьма необдуманно хвастался тем, что выдал Эдит Кавель и был причастен к осуждению немецким военным судом ста двадцати шести бельгийцев, французов и англичан. После заключения мира он исчез из дома, занимаемого им в Льеже, и был обнаружен несколько месяцев спустя в Монсе, где он служил в конторе одного адвоката, осужденного немцами на 15 лет каторжных работ. Передавали, что Жанн донес на человека, который был его благодетелем. Архивы, найденные в Камбрэ после отступления немцев, уличили Жанна; архивы германской разведки из разведывательного центра в Брюсселе, на улице Берлемон, также подтверждали изменническую деятельность этого человека. На суде Жанн, не подозревавший груды улик, губительных для него, начал защищаться, требуя свидетелей и отказываясь от всех предъявленных ему обвинений; крикливым и циническим поведением он восстановил против себя всех присутствовавших на суде.

Затем выступил один джентльмен, и обвиняемый был совершенно уничтожен. Это был брюссельский судья Лакруа. Он привел

в ужас Жанна своими заявлениями и описаниями событий, происходивших во время мировой войны. «Откуда вам все это известно?» — спрашивал подсудимый. Лакруа каждый раз отвечал: «Я ведь был на вашей стороне». Вместе с адвокатом Филиен, который вел дело Жанна, Лакруа во время войны был во главе бельгийской контрразведки и сообщил об этом теперь, чтобы всем стало ясно положение, занимаемое им на суде. Лакруа и Филиен знали множество тайн противника и теперь с помощью документальных улик могли уличить Жанна. По словам одного из присутствовавших на суде корреспондентов, после выступления Лакруа «защитник не принимал активного участия в процессе». Жанн был осужден и публично казнен.

Арест лондонского парикмахера Эрнста и его корреспондентов, как мы видели выше, нанес германской разведке в Великобритании удар, от которого Германия не могла оправиться. Германская служба контрразведки в свою очередь добилась возможности лишить французский штаб его агентов во многих стратегических пунктах. Немцы выжидали с ранней осени 1915 г. до января 1916 г. Они выследили более шестидесяти французских разведчиков, работавших вдоль коммуникационных линий и вблизи железнодорожных узлов. Накануне большого наступления на Верден все эти разведчики были захвачены немцами.

Этот опустошительный удар поставил французскую разведку в опасное положение, так как союзному командованию необходимо было знать, какие резервы направляет немецкое командование на театр военных действий и готовится ли одновременная атака на каком-либо другом секторе фронта.

Уничтожение более шестидесяти разведчиков было большим достижением германской контрразведки. На протяжении всей мировой войны это достижение было непревзойденным. Сказать по правде, провал французской разведки был организован не немецкими агентами, а бельгийскими ренегатами типа Жанна. Действуя согласно учению Штибера, начальники немецкой разведки в Брюсселе и Антверпене освобождали тюрьмы в поисках контрразведчиков для боевых зон и оккупированных территорий: Бельгии, северных департаментов Франции, Люксембурга, Эльзаса и Лотарингии.

На Балканах, на салоникском фронте, где было больше шпионажа и интриг, чем борьбы, французы и англичане использовали для контрразведки шайку пиратов, которые представляли собой угрозу не меньше, чем Жанн. Во главе этой команды, численностью около двухсот человек, был поставлен молодой английский офицер; ему одному приходилось руководить ими, и он пользовался почти неограниченными правами. Бесстрашные мускулистые парни, обвешанные пистолетами, ножами и громадными кортиками, выходили на войну целой общиной, с женами, детьми и стариками; они бродили по ночам, убивая неприятельских солдат и перехватывая множество сообщений.

Несомненно, что во Франции было больше неприятельских разведчиков, чем в какой-либо другой стране.

Англичане вскоре установили тесное сотрудничество между французскими жандармами, гражданской полицией, агентами секретной службы и офицерами экспедиционных сил. Впоследствии эту систему переняли все союзники. Если англичане во Франции подозревали кого-нибудь в преступлениях военного характера, то они почти во всех случаях ставили об этом в известность французские власти. Французская секретная служба охраняла швейцарскую, итальянскую и испанскую границу, средиземноморские порты, Париж и другие пункты, в которых изготовлялось военное снаряжение. Англичане охраняли свои морские базы на Ламанше, боевую зону от Бельгии до окрестностей Амьена (место соединения с французской армией) и значительную внутреннюю территорию, включающую лагери для отдыхающих частей, госпитали, коммуникационные линии и снабженческие базы. Здесь они брали на себя ответственность за охрану, но для надзора за гражданским населением мудро использовали французскую жандармерию.

Американская армия во Франции организовала свою контрразведку для наблюдения за базами, учебными зонами, коммуникационными линиями, которые по длине превосходили английские, и за боевыми зонами. Америка участвовала в мировой войне девятнадцать месяцев, и ни один немецкий агент за это время не выполнил сколько-нибудь серьезного поручения на американском фронте.

Главная задача контрразведки — защита штабов, командующих и их секретов. Париж требовал максимальной бдительности со стороны тех, кому доверили охранять многочисленные военные миссии и учреждения, временно или постоянно находившиеся в этом городе. Ежедневно в каждом из этих учреждений производилась основательная уборка. Обрывки и обрезки бумаги, даже промокательной, тщательно собирались и уничтожались. Передавали, что когда Делькассе, уволенный в отставку в 1905 г. из-за угрозы кайзера объявить войну, был министром иностранных дел, он работал до полного изнеможения и уборку своего кабинета доверял слуге, который прятал все выброшенные бумажки, а потом продавал их иностранным агентам. Лондон в период мировой войны был менее доступен для шпионов, чем Париж, и все же начальники английской секретной службы по временам принимали донесения своих агентов, разъезжая по улицам в такси. Эта предосторожность имела тройное значение: она избавляла агента от посещения штаба, где его могли увидеть при входе или выходе, полностью гарантировала от подслушивания и не привлекала внимания публики к личности начальника и агента, как это могло бы случиться при свидании в ресторане или отеле.

Во всех странах принято, чтобы руководители и начальники секретной службы были не известны многим из своих подчиненных как в военное, так и в мирное время. Если имена начальников известны за границей, то их можно выследить и сфотографировать. А это может значительно понизить ценность руко-

водителя секретной службы. Контрразведка должна спасать собственных начальников от всякого нежелательного внимания, охранять их дома и жизнь, и в то же время (хотя это уже область разведки) она должна узнать имена, добыть фотографии и точные данные о выдающихся разведчиках и руководителях секретных служб других стран. Французы добивались больших результатов путем слежки за такими крупными немецкими агентами, как Тисен и Штейнагуэр. Французские разведчики в течение войны проникали даже в немецкие школы разведчиков и разведывательные штабы в Берне, Антверпене и Берлине. Затем им необычайно повезло в захвате неприятельских агентов, которым для завершения их разведывательных подвигов нужно было только благополучно переправиться через границу. Швейцарская граница была западнёй, где чаще всего оканчивались эти тайные вторжения. За четыре года на этой границе было арестовано более трехсот человек либо при попытке покинуть Францию, либо вскоре после прибытия из Швейцарии. Не все задержанные были шпионами, но каждый из них был лицом подозрительным. Если интернирование стольких человек требовало больших расходов, то все же эти расходы были незначительными по сравнению с тем вредом, который могли нанести некоторые из них.

Одна женщина, задержанная по дороге в Берн, имела чертежи нового орудия с заводов Ле Крезо. Эти чертежи были сделаны невидимыми чернилами на нижней юбке, но юбка была сильно накрахмалена, что в 1917 г. привлекало внимание. В результате тщательного исследования в конце концов была открыта тайнопись. У одного «нейтрального» туриста был отобран схематический набросок главных противовоздушных сооружений Парижа. Набросок был сделан на тончайшей бумаге, свернут в тугую трубочку и вложен в середину синего карандаша (карандашей было несколько), но так как большую часть графита пришлось вынуть, то этот карандаш весил меньше, чем остальные. Контрразведчики проверили вес карандашей, и шпион был пойман. В таком случае, как раскрытие немецкого агента Гольцмана, контрразведка превзошла сама себя. Гольцман пребывал в течение некоторого времени во Франции необнаруженным. Он получил приказ встретиться с другим агентом, который казалось, был в таком же безопасном положении, и поехать с ним в Швейцарию за новыми инструкциями. Французские контрразведчики узнали о предполагавшемся свидании, и один из них, взяв на себя роль Гольцмана, сумел получить инструкции, в которых излагались подробные планы взрыва гидроэлектрических установок на юго-востоке Франции. Гольцман и его товарищ были захвачены в тот момент, когда они пытались проскользнуть через границу под видом французских дезертиров. Удалось даже захватить взрывчатые вещества, предназначаемые для этих взрывов. После этого случая швейцарское правительство предложило немецким заговорщикам немедленно оставить Швейцарию и больше в нее не возвращаться.

Контрразведка в России обнаруживала агентов противника в то время как предатели всячески ставили ей палки в колеса. Одним из этих предателей было такое важное лицо, как военный министр. Даже те, кому не знакомы русский темперамент и политическая структура империи, могут себе представить, какие нужно было проявить усилия, чтобы привести Сухомлинова к виселице. Действительно, это было настолько трудно, что смертный приговор, вынесенный судом, так и не был приведен в исполнение. Даже переход Сухомлинова от власти к тюремной камере и весь процесс были блестящим достижением контрразведки, но приходится сожалеть о том, что это не произошло раньше.

На процессе Сухомлинов выставил странное оправдание. Он сказал, что его жена молода и расточительна, поэтому он вынужден был принимать щедрые взятки, предлагаемые ему немецкими эмиссарами.

Известно, что до того как стать военным министром Сухомлинов был весьма способным офицером. Его назначение военным министром было встречено положительно русскими военными кругами. Когда Сухомлинов был командующим Киевским военным округом, он встретил жену одного учителя и решил жениться на ней. Ради формального повода для развода ее прежнему мужу предоставили отпуск и разрешили выехать за границу.

Госпожа Сухомлинова стала обожаемой женой карьериста. Сухомлинов был счастлив с ней и не обращал внимания на общественное мнение. Он уступал ей во всем, и она часто ездила за границу. Начальником пограничной охраны в Вержболове, на главной железнодорожной линии, идущей в Германию, был полковник Сергей Мясоедов. Этот жандармский офицер, агент, оплачиваемый немецкой разведкой, был более чем рад заслужить одобрение большого начальника, оказав любезность его жене.

Мясоедов пропускал через границу шпионов и оказывал услуги знатным путешественникам. Молодая жена Сухомлинова покупала за границей различные вещи, а полковник помогал ей в контрабанде.

Вскоре генерала вызвали в столицу на пост военного министра; его жена поднялась на высшую ступень, что позволило ей вести чересчур расточительную жизнь. Вскоре полковник Мясоедов был снят с занимаемого им поста в связи со скандалом, к которому привели его контрабандные проделки. Официально он был «прикомандирован в распоряжение военного министра». Как закадычный друг, он последовал за Сухомлиновым в Санкт-Петербург и получил назначение на пост доверенного помощника генерала. Мясоедова открыто обвиняли в шпионаже, за это он вызвал на дуэль лидера октябристов Гучкова.

Гучков, знаменитый стрелок из пистолета, принял вызов, но на дуэли выстрелил в воздух. Мясоедов стрелял в Гучкова, но промахнулся. На расспросы своих приятелей Гучков ответил: «Я не хотел спасти этого мерзавца от виселицы». После этого

ясоедов подал в отставку, но после объявления войны снова оявился, желая получить назначение в штаб, в чем ему отказали. Тогда полковник Мясоедов опять поступил в распоряжение оенного министра, который нуждался в нем для своих темных ахинаций. Подлость Сухомлинова выразилась в официальной одделке донесений по вопросам снабжения и питания огнеприпасами. В одном донесении он сообщил главнокомандующему, отовому начать наступление на Волыни, что в тылу фронта меется достаточный запас снарядов для полевых пушек. Руководствуясь этим сообщением, артиллерия начала наступление, ри чем с блестящим успехом, так как русские солдаты были то время хорошо обучены, бесстрашны, выносливы и терпеивы. Но скоро запас снарядов иссяк, а в тылу никаких нарядов не оказалось, и победоносное наступление прекраилось.

Сухомлинов, Мясоедов и их грязная шайка подозревались ногими с самого начала; однако окончательные улики были бнаружены одним молодым русским офицером. Этот офицер, звестный под псевдонимом К., был взят немцами в плен, и ему редстояла перспектива многолетнего ожидания мира в качестве оеннопленного. Он никогда не соприкасался с контрразведывательной работой, но решил использовать доверие германской екретной службы. По этому поводу следует напомнить, что немцы, оплачивая услуги русского военного министра и ругих влиятельных лиц, были весьма низкого мнения о патриотизме русских. Начальник германского генерального штаба на восточном фронте генерал фон Гоффман наивно жаловался, что правительство Германии не открывает ему достаточных кредитов для покупки русских планов кампании. Поэтому, когда К. заявил о себе, как о противнике самодержавия, готовом вернуться в Россию в качестве германского агента, то его внезапная готовность продать свою родину, повидимому, никого особенно не удивила. Его повезли в разведывательный центр в Шарлоттенбурге и дали там весьма подробные инструкции. За этим последовала инсценировка его «бегства». Он добрался до Копенгагена, а затем до Стокгольма, откуда немецкие агенты переправлялись в прибалтийские провинции. В конце концов он попал в Ригу и мог раскрыть историю своего побега.

В Берлине мечтали об убийстве князя Николая. Одному ренегату (Рудзинскому) за это предложили 50 тыс. долларов. Он был слишком хорошо известен охранке, и агенты тайной полиции не спускали с него глаз, как только он появлялся вблизи Главной квартиры. В конце концов они заставили Рудзинского сказать всю правду о полученном им задании. Его признание произвело в России сенсацию, но к этому времени подоспел К. с подробными сведениями о системе германского шпионажа в России, полученными им в период инструктажа в Шарлоттенбурге. Он был направлен для сотрудничества с агентами Мясоедова и располагал достаточными уликами, чтобы обвинить дюжину людей. Однако ему ничего не говорили об агентах немец-

кого происхождения из шайки Альтшуллера, Кривоша и Мюл лера. Эти агенты были готовы выдать русского предателя Мясо едова, открыв его тайные махинации другому русскому Сведения, сообщенные К., дополнили обвинительный материа против пользовавшегося сомнительной репутацией полковник и косвенным образом привели к аресту его приятеля — воен ного министра. Вина Сухомлинова была доказана, и его защит производила такое же жалкое впечатление, как и он сам.

Мясоедов был арестован, осужден и повешен. На суде был доказано, что он снабжал противника приказами по армии шифрами и даже подделывал телеграфные русские приказы пользу немцев. При одной операции в Восточной Пруссии 1915 г. его предательское вмешательство привело к уничтоже нию всего левого фланга русских сил, принимавших участи в данной операции.

Офицер К. за свою контрразведывательную деятельность по лучил военную награду, но имя его не было сообщено в печа ти. Опасались, что многочисленные приверженцы Сухомлинова и Мясоедова могут отомстить ему.

Предприимчивый офицер инстинктивно действовал в соответ ствии с двумя основными правилами контрразведки: 1) позво лить мелкому агенту, не знающему о том, что он обнаружен, привести к более опасному агенту, 2) обнаруженный агент-по сыльный должен быть использован для обнаружения других агентов, донесения которых он передает, или же для передачи ложной информации противнику.

ЦЕНЗУРА, КАК СРЕДСТВО КОНТРРАЗВЕДКИ

Почтовая и телеграфная цензура в военное время служит, по общему мнению, для предупреждения просачивания важной информации в письмах людей, не отдающих себе отчета в значении сообщаемых ими новостей. Считается также, что цензор разрушает козни предателей и агентов противника, которые пытаются передать по назначению добытые ими сведения. Но в эпоху мировой войны почтовая цензура сыграла еще более важную роль: она в совершенно неожиданной форме дополняла деятельность контрразведки, обнаруживала агентов и помогала раскрыть их методы работы; изучая письма, отправляемые в нейтральные страны, она собрала множество мелких данных, оказавшихся весьма ценными для военной и морской разведки.

Известно, что во время похода на Азию до Александра Македонского дошли слухи о недовольстве среди союзников и наемников и что царь проверил их весьма простым способом. Он объявил, что пишет письмо домой и посоветовал своим полководцам сделать то же самое. Когда курьеры отправились в путь, он остановил их и прочел все порученные им письма. Наполеон каждый день уделял некоторое время на чтение част-

ных писем; Ришелье был первым французом, который систематически нарушал неприкосновенность частной корреспонденции. Вообще мы знаем очень мало королей или командиров, которые пренебрегали этим средством получения информации.

В Лондоне, в эпоху реставрации, знаменитый изобретатель сэр Самюэль Морланд поразил своих почитателей, сконструировав прибор, который открывал письма, а затем быстро и точно их копировал. Почтовая служба в Англии была в эту эпоху частным предприятием, взятым в аренду графиней Честерфильд; ее агент и управляющий, сэр Филипп Фрауд, назначил лондонским почтмейстером ловкого Джемса Хикса. Прибор Морланда открыто стоял на почте, и однажды Карл II провел три часа, «с восторгом и большим удовлетворением» наблюдая за копированием писем, содержание которых, по всей вероятности, интересовало его меньше, чем сама машина. Снять копию с рукописного письма меньше чем в две минуты без помощи фотографии показалось бы удивительным достижением и нам. К сожалению, прибор был уничтожен пожаром.

Когда в Европе в 1914 г. вспыхнула война, только две воюющие державы — Россия и Германия — располагали готовым штатом цензоров. Французская военная и морская цензура была создана в самом начале войны без особых затруднений. Но англичане, у которых была самая большая корреспонденция в Европе, признаются, что им угрожал полный хаос в первые недели августа, когда они принялись за организацию этого отдела секретной службы. Прибывающие в английские порты корабли доставляли огромное количество писем в новое помещение цензуры. Груда этих писем росла с ужасающей быстротой. Наскоро назначались люди, которым следовало разобраться в этом потоке писем, при чем среди них, по утверждению немцев, были три германских агента; главная опасность, которой подвергались эти агенты, заключалась в переутомлении.

За несколько дней до начала военных действий один предусмотрительный чиновник задержал всю почту, которая, как казалось ему, может иметь какой-либо интерес. Когда эта масса письменной информации была, наконец, разобрана и рассмотрена, то среди этих писем было найдено множество немецких и австрийских приказов о мобилизации. Эти приказы посылались немцам и австрийцам, находящимся за границей. Приказы передали разведывательному отделу. Исходя из этих документов, разведывательный отдел составил подробную сводку неприятельских частей, выступающих против Франции и России; все эти сведения были срочно посланы в эти страны и явились первым предупреждением относительно сил, выдвинутых против них. Ни разу в течение всей войны цензорам не удавалось собрать столько ценных сведений за такой короткий срок, как за эти две недели.

Цензорам приходится в массе вздора выискивать одну потенциально опасную строчку. В течение мировой войны в Лондоне еженедельно подвергались исследованию сотни писем, пакетов и газет. То же самое имело место и в Париже. Большая часть

этого материала оказывалась совершенно невинной; когда в конце концов специалисты, производившие эти исследования, не обнаруживали никаких следов невидимых чернил или признаков кодированных или шифрованных сообщений, то эта почта снова запечатывалась и отправлялась по назначению. Если какие-либо письма возбуждали сомнения, то их недолго задерживали, так как это могло бы послужить предостережением виновному. Но они копировались или фотографировались и сохранялись в качестве улики для контрразведки. Все письма и пакеты, казавшиеся подозрительными, но не дававшие никаких положительных данных, позволявших утверждать, что их отправитель — агент разведки, задерживались до бесконечности.

Бдительность почтовой цензуры, работавшей в контакте с контрразведкой, привела к обнаружению крупного германского разведчика по фамилии Мюллер. Однажды, в 1915 г. лондонская цензура получила газету, адресованную в Амстердам. На полях этой газеты была обнаружена тайнопись. Сообщение гласило, что «С» отправился на север и будет писать «из 201». На штемпеле было написано «Дептфорд».

Один из инспекторов Скотланд Ярда приступил к работе так, словно «С» обокрал банк или был убийцей, которого необходимо было поймать. Он обратился к полиции города Дептфорда с запросом, на каких улицах города имеются такие дома под номером 201. «Только на одной, — гласил ответ. — На Дептфорд Хай Стрит».

В этом доме английские детективы нашли некоего Петера Хаана, пекаря (английского подданного), который клялся, что никогда не делал никаких странных надписей на полях газет, никогда не посылал газет в Голландию и вообще не знает, кто такой «С». Однако при обыске у него нашли закругленное на конце перо и невидимые чернила. Хаана арестовали.

Пекарь упорно отказывался говорить, но его соседи охотно отвечали за него и вспомнили человека, который частенько захаживал к нему. По их описаниям, это был высокий человек, с хорошими манерами, судя по всему — русский. Детективы обратились к списку лондонских пансионов, при чем розыски привели к Блумсбери, где одна перепуганная хозяйка признала в этом описании своего постояльца — русского, по фамилии Мюллер, и сказала, что он недавно уехал по личным делам в Ньюкестль. Действительно, «С» оказался на севере.

Располагая всеми приметами, детективы, наблюдавшие за Нортумберлендским портом, опознали Мюллера в поезде. Он был арестован и возвращен в Лондон под стражей. Это был действительно опасный разведчик. Его система пересылки полученной информации сама по себе являлась поразительным новшеством. Она могла очень долго оставаться необнаруженной. Он давал объявления в английские провинциальные газеты, а затем отправлял эти газеты своему голландскому корреспонденту.

Код, которым пользовался Мюллер, был в конце концов рас-

рыт специалистами из знаменитой «комнаты 40». И после казни юллера офицеры разведывательного отдела продолжали посылать немцам ложные сведения, пользуясь его методом. Более ого, британская разведка долгое время получала от немцев енежные переводы в качестве вознаграждения за эти сведения. тот случай позволил контрразведке точно установить суммы, оторые немцы платили своим агентам, и сроки получения этих умм. После дела Мюллера британская секретная служба могла редупредить цензуру о необходимости отмечать получение подобных сумм, посылаемых через регулярные промежутки времени какому-либо адресату из нейтральных государств.

Нет сомнения, что самой совершенной организацией почтовой ензуры был знаменитый «черный кабинет» царской России. Сюда оступала главным образом корреспонденция высокопоставленых лиц; специальные чиновники открывали и прочитывали эту орреспонденцию, копировали или фотографировали ее и хранили секретном порядке. В виду относительно ограниченного числа тправителей, считавшихся достаточно важными для такого внимания, чиновники, комфортабельно устроившиеся в почтовой онторе, изучали образцы почерков до тех пор, пока не приучались распознавать их по первому взгляду. Некоторые работники цензуры знали до 20 языков. Русские называли работу «черного кабинета» перлюстрацией*.

Граф Игнатьев, в бытность свою киевским губернатором, неизменно посылал письма через доверенных людей, словно он являлся участником тайных заговоров. Такой крупный государственный деятель, как граф Витте, немало пострадал в начале своей карьеры потому, что ему ставили в вину его мнения по различным общественным вопросам, откровенно высказанные им в его частной переписке. Общественные дела — вот тематическая мерка, прилагаемая ко всем письмам, которые проходили через «черный кабинет». Мы можем представить себе за работой цензоров, ищущих ясных указаний на измену или туманных признаков неудовлетворенности существующим режимом. После дней и недель чтения скучных и интимных личных дел, сплетен и абсолютно благонамеренной болтовни о пустяках, наконец, попадается словечко, которое случайно высказал какой-нибудь граф или великий князь, или генерал. Даже члены императорской семьи не были свободны от этого почтового наблюдения.

«Черный кабинет» имел отделения в Москве, Киеве и Одессе. Московское отделение называлось «тайной экспедицией» и состояло из начальника и восьми чиновников; киевское отделение располагало таким же штатом и было, по всей вероятности, наиболее активным из всех, так как его неутомимые чиновники были одновременно австро-германскими агентами. Если бы не обнаружение шпионажа в русской почтовой цензуре, то нам было бы гораздо меньше известно о ее тайной деятельности. Когда

* Вскрытие и чтение писем без ведома адресата.

в киевском отделении «черного кабинета» были обнаружены агенты противника, они были арестованы и отданы под суд, как будто трещины в старом здании были столь велики, что не стоило уже ничего скрывать от общества.

Главный ответчик, Карл Зиверт, работал в цензуре около пятидесяти лет. Он с одинаковой добросовестностью работал на двух или больше хозяев и проявлял удивительное безразличие ко всем политическим лагерям. Трое его главных помощников — Эдуард Хардак, Макс Шульц и Конрад Гузандер — были, подобно ему, по происхождению немцами, но давно уже жили в Киеве.

«Черный кабинет» в своей работе зашел так далеко, что просматривал почту местной тайной полиции.

В 1911 году Николай II посетил Киев (во время этого посещения в театре был убит Столыпин). Охрана царской свиты была поручена генералу Курлову, который приказал «черному кабинету» не трогать писем лиц из царской свиты. Зиверт не выполнил этого приказа.

На процессе Зиверта выяснилось, что он фотографировал письма, которые вдовствующая императрица писала адмиралам и главнокомандующим. Даже члены распутинской шайки не могли защитить своей переписки от Зиверта и его приспешников.

На процессе было доказано, что русские военные тайны Зивертом посылались в Вену еще до войны. Зиверт сообщил, что специальный электрический чайник, используемый для открывания паром обыкновенных конвертов, был изготовлен немецкой фирмой. Он объяснил также, что многие письма копировались от руки; если какое-либо слово или подпись были неразборчивы, то они фотографировались, и снимок вклеивался в надлежащее место текста, при чем все фотографические аппараты тоже были получены из Германии.

Всем всегда было понятно, что некая государственная организация открывает важные письма, и так как большая их часть запечатывалась воском, то считалось, что для этого требовалась значительная ловкость. Специалисты и лекторы по вопросам военной разведки как в Европе, так и в Америке обычно рекомендовали использование нагретого лезвия для снимания печати с конвертов; по прочтении письма печать возвращается на прежнее место. Но Зиверт, которому приходилось открывать десятки писем с множеством печатей, нашел, что нагретое лезвие или проволока недостойны его перлюстрационного «гения». Очень часто нагретый металл повреждал конверт. В виду этого он изобрел небольшое приспособление, состоявшее из тонкой круглой палочки, диаметром в вязальную спицу, и расщепленное до половины своей длины. Палочка вводилась в запечатанный конверт у самого угла и проталкивалась до противоположного угла. Письмо попадало в щель. Затем палочка быстро вращалась в руке и письмо наматывалось на палочку, после чего следовало осторожным движением вытащить его, не растягивая конверта и не повреждая печати или печатей. Прочитанное и скопированное

письмо снова наматывалось на палочку, вкладывалось осторожно в конверт и разматывалось, после чего палочка снова вытягивалась обратно, а конверт у края приглаживался рукой. Письмо затем отправлялось по назначению в столь же хорошо запечатанном конверте, в каком оно поступало в «черный кабинет».

ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ

В современной Европе тайная полиция участвует в контрразведке; можно сказать, что полицейская служба дает практическую подготовку работникам секретной службы, выдвигая ряд толковых агентов и начальников для военной работы контрразведки. Тайная полиция в той или иной форме использовалась всеми древними династиями; величайшего могущества и искусства она достигла в XVI веке в Индии. Император Акбар организовал около 1556 г. тайную разведку, которая фактически управляла государством.

Шпионы для Акбара казались самым лучшим средством управления густонаселенной империей с чрезвычайно сложными общественными и религиозными взаимоотношениями. Один из индийских философствующих политиков заметил, что шпионы «умеряют усердие» чиновников. Особое место в системе секретной службы Акбара, повидимому, занимали донесения о путешественниках. Англичанин Джон Хоукинс, путешествовавший по Востоку в качестве посланца королевы Елизаветы, был очень недружелюбно встречен в Сурате Мокарруб-ханом. Хоукинс упорно продолжал путь до Агры. Но шпионы Акбара со своими донесениями опередили его. Когда английский адмирал вступил в город, его встретили с почетом, а на частной аудиенции император упомянул о всех неприятностях, случившихся в Сурате до того, как адмирал успел ему пожаловаться. Помимо выражений сожаления, посетителю дали понять, что в Сурате уже наведен порядок. Таким образом, шпионы помогали всевидящему и всезнающему правителю держать народ в страхе.

Вся секретная служба в Индии поручалась главным образом мусорщикам. По закону два раза в день посылали их убирать все жилища, и, убирая мусор и отбросы, они прислушивались к всевозможным разговорам. Все услышанное они передавали начальникам, донесения которых шли непосредственно императору. Материал не отбирался, и самые грязные сплетни, самые ничтожные перепалки соседей или соперников, все мелкие скандалы становились известными во дворце.

Подобной организации тайной полиции не существовало больше нигде, если не считать мощной организации средневековой церкви в Европе. Известный немецкий специалист по вопросам разведки фон Деккер однажды сказал, что тайна, которую не может открыть духовное лицо или женщина, никогда не будет открыта. А приходский священник был духовным лицом, пользовавшимся

огромным влиянием на своих прихожанок; таким образом, церковь располагала прекрасными возможностями проникновени в местные тайны, и сводки местных донесений составляли серьезный разведывательный материал для архиепископов типа Волсея или Ришелье.

Противники церкви всегда утверждали, что исповедь являлас средством секретной службы. Оставив в стороне споры, следуе отметить, что до последнего столетия церковь подготовила мног блестящих тайных агентов, шпионов и начальников секретны служб. Фушэ, Талейран, Демарэ были в прошлом священникам которые умели организовать и использовать службу тайной полиции. Кардинал Ришелье имел в своем распоряжении ловкого отц Жозефа дю Тремблей, который с помощью смелых и неразборчивых в средствах агентов раскрыл заговор Сен-Марса, следил з Австрией и ее союзниками, за австрийской королевой во Франци и даже пошел дальше заговорщицы Марии де Роган, герцогин Люннь и Шеврез.

Во Франции по сей день живы традиции, ведущие свое начал от Фушэ и его агентов. Все методы французской тайной полици связаны с составлением так называемых «досье» — дел. «Досье представляют собой полные сводки данных о всех жителях республики, которые могут представить какой-либо интерес для властей; сюда относятся сведения о всех выдающихся людях и и родственниках, о лицах, стоящих на пути к славе, об их семейны отношениях и, наконец, о всех лицах, хотя бы отдаленно связанных с тем, что называется преступным миром.

Система «досье» нашла себе многочисленных подражателей. Н ученики Штибера в Берлине применили ее к гражданам други стран и для целей разведки и секретной службы в случае войны Германским агентам, отправленным за границу до 1914 г., был поручено сообщать все частные сведения, которые можно буде добыть о выдающихся в общественном отношении иностранца и о членах их семей. В результате получилась энциклопеди современной скандальной хроники, в которой можно встретит тысячи имен людей, пользующихся известностью на своей родине на которых можно, в случае надобности, оказать давление угрожая выдать их прегрешения, проступки или же семейны тайны.

Это была просто оптовая подготовка к официальному шантажу. Вряд ли предполагалось, что все эти люди, как бы они ни были запуганы, могли быть вынуждены давать информацию противнику. Но их можно было убедить в том, чтобы они оказали косвенное содействие или скрыли деятельность германских агентов в дни неизбежного конфликта.

ПРОПАГАНДА, КАК СРЕДСТВО СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ

Мировая война усовершенствовала новый вид нападения; наряду с обычными методами разведки в огромной степени разви-

лась пропаганда, воздействующая на моральное состояние армии и гражданского населения.

Как со средством нападения, мы встречаемся с пропагандой еще в древности. Воинственные греки прекрасно владели этим оружием. В мировую войну систематическая пропаганда выигрывала большие сражения и разоружила флот; она деморализовала народы и превратила десяток нерешительных нейтральных стран в энергичные воюющие страны. Целые роты и батальоны людей посвятили все свое время и все свои способности научно поставленной пропаганде; эти люди должны были обладать множеством разнообразных качеств, начиная от большой находчивости и способности к распространению новостей до выдающегося дара убеждения.

Пропаганда, подобно бомбам, обрушивалась на боевые зоны, на неукрепленные города и будила миллионы умов. Артиллерия требовала снарядов, пропаганда — бумаги и чернил. Пропаганда велась посредством рисунков, пьес и песен для тех, кто предпочитал слушать, а не думать. За пять лет — с 1915 г. по 1920 г. — пропаганда превзошла все выдумки, какие когда-либо преподносились избирателям или восставшим массам.

Вскоре после начала войны в Европе воюющие страны начали убеждать себя и других в том, что ответственность за войну должна быть возложена на противника. Каждая из воюющих сторон снимала с себя обвинение и оспаривала улики, предъявляемые другой стороной. Для целей пропаганды были мобилизованы люди, одаренные логическим мышлением. Люди обычно охотно верят тому, чему им хочется верить, и военная пропаганда должна всегда стремиться воздействовать на их чувства. В современных условиях, когда в войне принимает участие весь народ, что бы ни говорилось и ни писалось о неприятеле — все это не кажется слишком невероятным.

Пропаганда также является объектом работы контрразведки. Больше всего она контролировалась и пресекалась цензурой. Однако в Великобритании, Франции, Италии и Америке строгое наблюдение за опубликованием различных известий постоянно возбуждало всеобщее негодование и вызывало беспокойство. Здесь, пожалуй, цензура причинила больше зла, чем добра. Неприятельская пропаганда использовала это обстоятельство, так как наполовину информированные лица всегда жаждут узнать все, а это — находка для пропагандиста. Другое дело, когда люди не привыкли читать и понимать. Они сбивают с толку пропагандиста своим полнейшим незнакомством с тем, на чем зиждется его план.

Этим объясняется тот факт, что во время мировой войны австро-германская пропаганда не имела большого успеха среди русских войск и гражданского населения.

На итальянском фронте австро-германская разведка в начале октября 1917 г. собирала точную информацию о серьезных гражданских беспорядках в Северной Италии. В Турине происходили волнения, войска стреляли в народ, при разгоне толпы были

убитые. Через агентов удалось узнать имена убитых и другие данные, известные всем жителям Турина и его окрестностей. Пропагандисты принялись за дело. В Австрии были напечатаны специальные номера хорошо известных в Северной Италии газет с потрясающими отчетами о происшедших волнениях и кровопролитиях. Были опубликованы списки убитых и пострадавших, даны редакционные пояснения, не стесненные цензурой военного времени и не щадящие власти. В конце октября в северную часть Горици прибыли части из Пьемонта, и этим дивизиям с самолетов были сброшены пачки газет, датированных таким числом, что, казалось, они были изданы в Италии. Пьемонтцы прочли эти газеты — эффект был потрясающий. Они решили вернуться домой, в Турин, и навести там порядок; неприступные окопы сразу опустели. Это случилось 24 октября, а 25 октября произошло сражение при Капоретто. Фронт на Изонцо был прорван, несмотря на то, что численность итальянских войск относилась к численности австрийских войск, как семь к четырем. При отступлении итальянцы потеряли около полумиллиона человек убитыми и пленными; дойдя до Пиаве, итальянцы остановили наступление австрийцев с помощью своевременно подоспевших шести французских и пяти британских дивизий.

В последние месяцы войны, то-есть с июля по ноябрь 1918 г., осторожная и непрерывная пропаганда союзников постепенно оказала свое разъедающее влияние; заключение мира стало неизбежным. Турция, Болгария и Австро-Венгрия отошли от Германии, оставив ее в одиночестве.

Подобно всяким другим средствам, пропаганда может причинить серьезный вред тому делу, которому она призвана служить.

В начале войны французы, пытаясь оттянуть войну, задерживали мобилизацию, что привело к большому беспорядку и численному превосходству противника на левом фланге. Однако французские кавалерийские дозоры перешли границу Лотарингии, это и было использовано немецкой пропагандой для того, чтобы убедить немецкий народ, что Германия является страной обороняющейся.

Америка вступила в войну, и немцы могли бы испугаться этого, если бы не официальные уверения в том, что американцы руководствуются просто жадностью, располагая совершенно неопытной, неподготовленной и малочисленной армией. После создания большой американской армии и прибытия ее на Европейский континент, пропагандисты союзников, работавшие в нейтральных странах, позаботились о том, чтобы немцы получили неправильные сведения о численности неприятельских сил. Узнав из донесений агентов о плохом состоянии французских железных дорог, германский штаб утверждал, что Франция может допустить десант крупных американских сил, но никогда не сможет предоставить средства для доставки этих сил на фронт.

Американцы быстро построили собственную железную дорогу, привезли свой подвижной состав и перебросили на фронт мил-

лионы бойцов. Таким образом, население Германии и Австрии пережило еще одно тяжелое разочарование.

Союзники поражались тому, что шестидесяти миллионам человек можно было втереть очки и давать такую фальшивую информацию. Немцы верили, что будто бы население Англии умирало от голода, а Лондон превращен в развалины цеппелинами.

Начальник британской морской разведывательной службы сэр Реджинальд Холл быстро изобрел множество средств воздействия на общественное мнение противника. Но в одном случае Холл пустил слух, который рикошетом ударился по Англии. В декабре 1914 г. Холл распространил слух в Германии о том, что британский флот сосредоточивает силы для прикрытия десанта британских войск на севере Голландии, между Эмсом и Везером. Этот слух дошел непосредственно до германского главного штаба и был принят за чистую монету. Немцы так серьезно этому поверили, что в угрожаемый район послали запасные дивизии. Эта мера встревожила Гаагу. Весть о движении запасных дивизий перелетела через Северное море и обеспокоила англичан. Агенты разведывательного корпуса британской армии сообщили о необъяснимом присутствии немецких сил на побережье. В свою очередь британское командование тоже вынуждено было быть наготове. Только после нескольких дней большого напряжения нервов с обеих сторон Холл узнал, что результат мистификации превзошел его ожидания, и положил конец беспокойству военного штаба в Уайтхолле.

Задание по пропаганде никогда не должно поручаться агентам разведки. Талантливые разведчики, пытавшиеся заняться заодно и пропагандой, неизменно раскаивались в этом, а некоторые, наиболее безрассудные, поплатились за эту попытку жизнью. Боло Паша, который занимался изготовлением мыла и спекулировал по всей Южной Европе, был талантливым заговорщиком. Но в 1914 г. он, получив от американских банков крупные суммы, приехал во Францию и приступил к приобретению газет, с помощью которых он собирался пропагандировать идеи пораженчества; по замыслу Германии подобная пропаганда должна была разложить французские войска на фронте. Боло смог получить в свое распоряжение только незначительные, жалкие листки, не имевшие никакого влияния в стране. Когда он стал добиваться покупки крупной газеты и, наконец, получил «Ле журналь» сенатора Гумберта, то его песенка была спета. Человек, нашедший внезапно большие средства и покупавший газеты в момент, когда общественное мнение играло решающую роль, сразу же навлек на себя подозрение. Голос пораженчества, звучавший в мелкой прессе Боло, вскоре был заглушен голосом Боло, оправдывавшимся на суде. Его расстреляли.

В 1915 г. германские агенты посылались в Америку не для разведывательных целей, а для пропаганды. Им поручали распространять слухи против своих соотечественников, живущих в Германии и за границей. Они распространяли вымышленные факты,

унижающие германское достоинство. Какова же была цель эт странной кампании? Немцы предполагали, что как только общ ственность Америки поймет, что распространяемые слухи не со ветствуют действительности, она отнесет их за счет происк союзников.

Но в конце концов этот план провалился и, несомненно, бы использован пропагандой союзников. Около двух третей рассказ про немецкие зверства были вымышленными. Но одна треть, ка например, разрушение Лувена, расстрел мисс Кавель и капита Фриатт, была правдой.

Печатается по материалам, опубликованным в «Правде»

Зл
Ми
Ра
Ра
Сн
Ко
До
Ц
Та
П

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цена 55 коп.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
Москва, Блюхеровский пер., 8, главная контора Когиза „Парткнига".
РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА во всех киосках, магазинах и отделениях Когиза и райкультмагах потребкооперации.
ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ посылать в областные (краевые) отделения Когиза без задатка.

